102

ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

СВЯТИТЕЛЬ

СТЕФАНЪ ВЕЛИКОПЕРМСКІЙ.

(Жизнь его съ литографированнымъ изображеніемъ).

15 коп.

Протоіерея Евгенія Попова.

ПЕРМЬ.
Типографія губернскаго правленія.
1885.

От С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. С.-Петербургъ. 17 мая 1885 года.

Цензоръ архимандритъ *Арсеній*.

1003

Нѣкогда двое придворныхъ прогуливались по лѣсу близъ Трира (городъ въ рейнской Пруссіи, въ-древности же римская колонія). Они дошли до одной хижины, въ которой жили неизвѣстные пустынники. Здѣсь они увидѣли на столѣ книжку: жизнь св. Антонія вел. Одинъ изъ нихъ началъ читать эту книжку, и-вдругъ пришолъ къ мысли перемѣнить свою шумную жизнь на тихое уединеніе. Онъ переговорилъ объ этомъ со своимъ спутникомъ и снова сталъ читать. Дальнѣйшее чтеніе утвердило его въ той же мысли, и-онъ дѣйствительно избралъ себѣ пустынническую жизнь. Примѣру его послѣдовалъ и спутникъ[1].-Столь благодѣтельно можетъ подѣйствовать чтеніе житій святыхъ на людей, которые живутъ въ грѣховной безпечности!

Скажемъ и о себѣ. Житія святыхъ пристыждаютъ насъ предъ нами самими, разскрывая намъ,-какъ мы-то идемъ въ жизни своей широкимъ путемъ[2], какъ не далеки уже и отъ

[1] Разсказъ у блаженнаго Августина. [2] Мѳ. 7, 13.

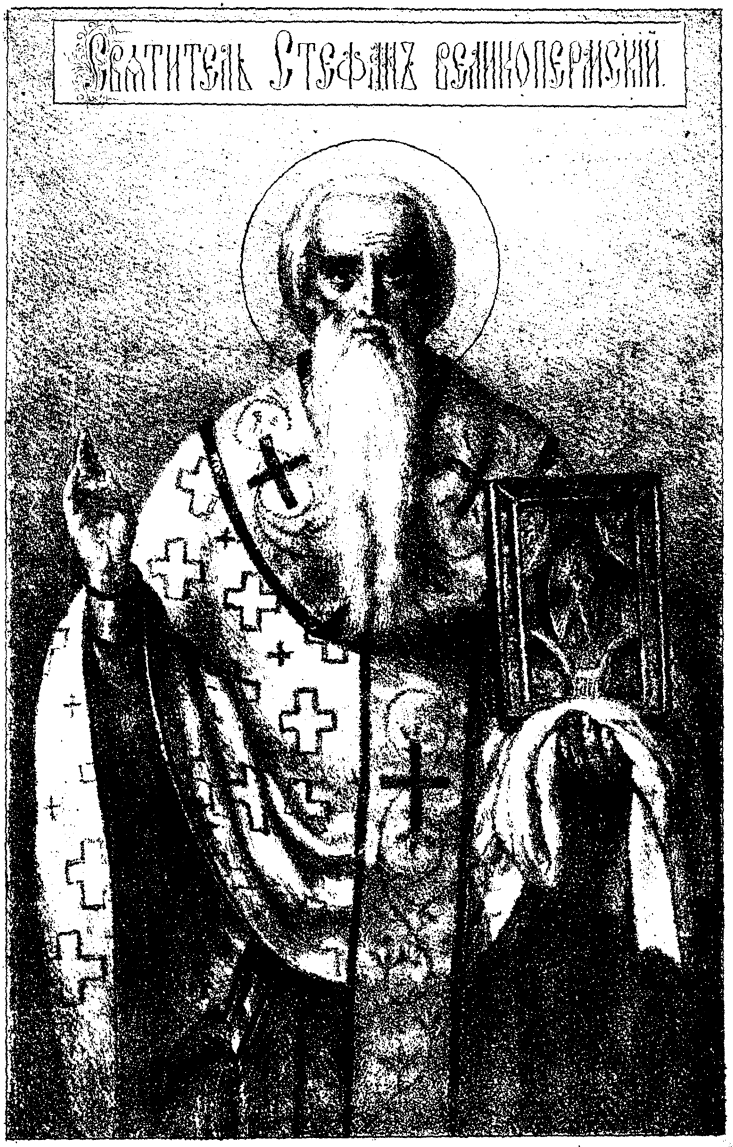
вѣчной погибели. Въ то же время они отгоняютъ отъ насъ отчаяніе, на-противъ возвышаютъ нашъ духъ, располагаютъ насъ къ подражанію святымъ. Они занимаютъ и всѣхъ тѣмъ, что просты и вмѣстѣ съ тѣмъ мудры, что въ нихъ чувствуется благодѣяніе св. Духа, который для каждаго изъ насъ есть сила еже хотѣти и еже дѣяти*.

Обильна высокими примѣрами для подражанія и жизнь св. Стефана пермскаго. Въ молитвахъ церковныхъ онъ называется равноапостольнымъ, какъ на-прим. были равноапостолами Марія магдал. или князь Владиміръ. Въ его жизни на каждомъ шагу мы встрѣчаемся то съ его безпредѣльною любовью къ ближнему, то съ готовностью его жертвовать всѣмъ для истины Христовой.

И такъ мы предлагаемъ почитателямъ его памяти (какъ и вообще всѣмъ) жизнеописаніе его. По мѣстамъ и прямо будемъ указывать въ его жизни трогательные примѣры для нашего подражанія.

---

* Филип. 2, 13.



Печ. позвол. С-Петербургъ 1885 г. апрѣля 23. Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.
Пермь. Типо-литографія губернскаго правленія.

I.

Жизнь св. Стефана въ г. Устюгѣ.

Рожденіе его.

Стефанъ жилъ на свѣтѣ уже болѣе 500 лѣтъ. Онъ родился въ г. Устюгѣ. Въ то время Устюгъ былъ окраиной Россіи на сѣверо-востокѣ, а нынѣ онъ принадлежитъ вологодской губерніи. Когда св. Стефанъ родился, то въ Россіи еще не было единодержавія и Устюгъ зависѣлъ отъ князей ростовскихъ[1]. На родинѣ его числилось нѣсколько христіанскихъ храмовъ, хоть можно было назвать еще и Устюгъ городомъ „полузырянскимъ". Этого мало. Во дни его устюжане отличались строгимъ благочестіемъ, какъ на-противъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ до того были нечестивыми, что уже надъ ихъ городомъ собралась страшная туча, отъ которой они несомнѣнно и погибли бы, если-бъ не были чудесно спасены покровительствомъ Божіей Матери[2]. Начатки страха Божія въ нихъ и стали быть видны въ-особенности съ этого-то чуда, а также въ силу дивныхъ подвиговъ Прокопія юродиваго. (Прокопій происходилъ изъ нѣмцовъ и вначалѣ не былъ православнымъ. Онъ прибылъ въ Россію (именно въ Новгородъ) для торговли, и—здѣсь-то духовно перѣродился, избравъ себѣ подвигъ юродства. Когда въ Новгородѣ стали прославлять его за святость жизни: онъ скрылся отсюда. Послѣ многихъ же странствованій онъ остановился въ Устюгѣ.) Еще были извѣстны въ Устюгѣ высокимъ благочестіемъ, предъ тѣмъ временемъ какъ родиться свят. Стефану, нѣкоторые супру-

[1] Прежде Устюгъ имѣлъ и собственныхъ князей. [2] Туча, отъ которой и время полдня казалось темною ночью, разразилась въ 20 верстахъ отъ Устюга раскаленными камнями. Камни разломали множество деревьевъ и по мѣстамъ произвели пожаръ, но не коснулись ни людей ни скота.

ги Іоаннъ и Марія[1] (Іоаннъ былъ татарскій баскакъ, или сборщикъ податей, и—крестился, Марія же была русская), а также Кипріанъ, основатель здѣсь архангельскаго монастыря[2]. Всѣхъ этихъ лицъ Прокопій имѣлъ своими друзьями и собесѣдниками: предъ ними онъ и оставлялъ свое юродство.—Наконецъ и родители св. Стефана, Симеонъ и Марія, тѣмъ не менѣе были для устюжанъ свѣтомъ христіанской жизни. Если-бъ Симеонъ не былъ человѣкомъ праведнымъ, то Прокопій юродивый не открылъ бы ему многихъ тайнъ изъ своей подвижнической жизни. Самъ же Стефанъ не былъ современникомъ Прокопія (Прокопій умеръ болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до него).—Вотъ въ какомъ мѣстѣ Господь-Богъ опредѣлилъ родиться и быть воспитану будущему апостолу страны пермской! Именно онъ родился около 1340 года.

Рожденіе или же младенческое возрастаніе особенныхъ избранниковъ Божіихъ (какъ и великихъ людей въ жизни общественной) по волѣ Божіей иногда сопровождаются чудесными знаменіями. Начнемъ съ самыхъ высокихъ примѣровъ. Такъ о святомъ Крестителѣ, рожденіе котораго послѣдовало среди нѣсколькихъ необычайныхъ явленій (взыграніе его во утробѣ матерней, онѣменіе его отца и т. д.), говорили всѣ: *что убо отроча сіе будетъ*[3]*?* Ап. Павелъ, котораго самъ Господь назвалъ избраннымъ сосудомъ своимъ[4], свидѣтельствуетъ о себѣ, что еще изъ чрева матери призвалъ его Богъ.[5]—Преподобный Сергій, великій угодникъ Божій въ землѣ русской, трижды прокричалъ во утробѣ своей матери, когда мать его беременною пришла въ церковь къ обѣднѣ[6]. Св. Тихонъ задонскій однажды въ дѣтскомъ возрастѣ

---

[1] Погребены при вознесенской церкви въ Устюгѣ. [2] Это былъ самый первый монастырь въ ново-устроенномъ Устюгѣ. Кипріанъ, управляя имъ, по смиренію своему и не принялъ священническаго сана. Подвижникъ трудился для Бога болѣе 60 лѣтъ: онъ погребенъ въ своемъ монастырѣ (см. ист. Карамз. и вологод. губерн. вѣдом. 1847 № 9). [3] Лк. 1, 66. [4] Дѣян. 9,15. [5] Гал. 1, 15. [6] Въ первый разъ утробный младенецъ вскричалъ предъ еванге-

взошолъ на колокольню и, упершись на худыя перила, упалъ съ колокольны, но остался совершенно невредимъ*.—Такъ вотъ и рожденіе св. Стефана, который имѣлъ исправить въ своей жизни дивную службу Господу-Богу, было ознаменовано чудеснымъ предсказаніемъ. Мать его была еще трехлѣтней дитятей. Въ какой-то праздникъ она выходила изъ церкви отъ вечерни вмѣстѣ со своею матерью. Вдругъ подбѣгаетъ къ ней Прокопій юродивый, останавливаетъ ее и, поклонившись ей до земли, громко говоритъ: „вотъ идетъ мать великаго Стефана, учителя и епископа пермскаго“! Прошолъ объ этомъ слухъ и по всему городу. Всѣ удивлялись предсказанію. Всѣ разсуждали: „въ Перми живутъ идолопоклонники, которыхъ крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ кудесники; тамъ нѣтъ ни одной крещоной души: какой же тамъ можетъ быть епископъ? Чѣмъ же послѣ этого будетъ Стефанъ, рожденіе котораго такъ рано предсказывается? что онъ принесетъ съ собой людямъ“.?

Подобными знаменіями Господь благоволитъ предъизвѣщать о рожденіи великихъ избранниковъ для того, чтобъ первѣе всего родители ихъ съ глубокимъ вниманіемъ относились къ своему положенію, т. е. когда еще носятъ во утробѣ дитя (на-прим. такъ-то поняла троекратное возглашеніе въ церкви своего утробнаго младенца мать Сергія), чтобъ за-тѣмъ и постороннія лица были утѣшены ожиданіемъ во дни ихъ какого-то великаго праведника или же особеннаго дѣятеля для блага общественнаго. Прокопій высказалъ пророчество о св. Стефанѣ еще вначалѣ своей жизни въ велик. Устюгѣ. Конечно, онъ слѣдилъ за участью Маріи, будущей матери просвѣтителя пермскаго. Когда же Марія сдѣлалась женою Симеона, чтеца соборной церкви (по фамиліи Храна): онъ приблизилъ къ себѣ и этого человѣка. Не въ

ліемъ: его крикъ услышали стоявшіе близко къ матери его. Во второй же разъ (вначалѣ херувимской пѣсни) его голосъ услышали и всѣ въ церкви. А при третьемъ его крикѣ (во время возгласа «святая святымъ») мать его отъ смущенія и умиленія заплакала.

* Пам. 13 августа.

первыхъ, но уже въ дальнихъ лѣтахъ своего супружества, Симеонъ и Марія родили Стефана. (Почему мы и сказали, что хоть Прокопій умеръ въ старости, но св. Стефанъ далеко-далеко не былъ ему современникомъ.)

Обученіе и воспитаніе свят. Стефана.

Симеонъ, отецъ его, съ даромъ благочестія передалъ ему въ наслѣдство и таланты ума. Состоя только на службѣ чтеца церкви, Симеонъ былъ столько разумнымъ и книжнымъ человѣкомъ, что составилъ жизнеописаніе св. Прокопія юродиваго, какъ и самъ юродивый открылъ ему о себѣ и какъ онъ во-очію видѣлъ терпѣніе угодника,-описалъ вскорѣ же послѣ смерти Прокопія „пользы ради душевныя послѣднимъ родомъ[1]“. Рано отрокъ Стефанъ показалъ въ себѣ необыкновенныя способности. Родители и не замедлили отдать его учиться грамотѣ. Это была *грамота церковная:* чтеніе и пѣніе церковное. Рѣдкіе въ то время (столь отдаленное отъ насъ) брались даже за эту первоначальную грамоту. Случалось, лица и государственныя едва могли подписывать свое имя. Да и духовенство, первый учитель народа въ древней Россіи, не простиралось дальше первоначальной грамоты. т. е. чтенія и письма, и за-тѣмъ знало пѣніе и уставъ церковный. Поэтому-то жизнеописатель св. Стефана видитъ особенность въ томъ, что родители его отдали его учиться грамотѣ. Такъ какъ онъ обладалъ большою памятью и особенною понятливостью, то впродолженіе одного же года научился читать, хоть и бѣгло [2], понялъ также въ нѣкоторой степени церковное пѣніе и главное-порядки церковной службы. Отецъ его заботливо приводилъ его съ собой въ церковь и былъ для него учителемъ по службѣ церковной съ практики дѣла. Оказалась воз-

---

[1] Житіе Прокопія по Филарету, архіеп. черниг. [2] «Въ наученіи книжномъ паче сверстниковъ просвѣщенный....», сказано въ акаѳистѣ свят. Стефану.

можность опредѣлить его въ отроческихъ же лѣтахъ къ должности *канонарха*[1], т. е. начинателя церковныхъ пѣній, и за-тѣмъ сдѣлать чтецомъ въ той же соборной церкви, гдѣ и отецъ его служилъ. Какъ одинъ изъ клириковъ церкви, онъ и еще чаще сталъ посѣщать ее. (Замѣтимъ-церковь эта, въ честь успенія Божіей Матери, была деревянная и высокая: она была построена, и освящена[2] лѣтъ за сорокъ до рожденія Стефана.) Знаніемъ грамоты св. Стефанъ сталъ пользоваться не для изученія какихъ либо свѣтскихъ наукъ и не для чтенія свѣтскаго, чего бы могъ частію достигнуть въ такомъ торговомъ и славномъ городѣ, какимъ въ то время былъ великій Устюгъ, нѣтъ! Онъ только старался изучить правила граматтики и, кажется, еще словесности. Затѣмъ онъ почему-то обратилъ свою любознательность на языкъ зырянскій, которымъ тогда говорили всѣ зыряне, устюжскіе сосѣди; читалъ онъ усердно духовныя книги, какія могъ найдти въ Устюгѣ. Болѣе же всего онъ занялся чтеніемъ слова Божія.—Товарищей разсѣянныхъ и вольныхъ онъ избѣгалъ.

Такъ и для насъ, православные, или для большинства русскаго народа цѣлью грамотности должны быть главнѣе всего изученіе слова Божія и чтеніе душеспасительныхъ книгъ. Если обратимся къ примѣрамъ еще большей древности: то увидимъ, что и древніе христіане, обучая своихъ дѣтей грамотѣ, прежде всего пріучали ихъ къ чтенію святаго Писанія.[3] За-тѣмъ въ нашихъ старинныхъ азбукахъ дѣти первымъ долгомъ должны были заучивать названія священныхъ лицъ и предметовъ, затверживали наставленія для богобоязненой

---

[1] Въ монастыряхъ одинъ изъ чтецовъ или пѣвцовъ громко произноситъ каждый стихъ для пѣнія (наприм. „на Господи воззвахъ"), и за-тѣмъ повторяютъ этотъ стихъ всѣ поющіе. Это и значитъ быть *канонархомъ*. [2] Освятилъ эту церковь ростовскій епископъ Тарасій. Замѣчательно было названіе одного изъ колоколовъ ея: *тюрикъ*. Этотъ колоколъ былъ пожертвованъ соборной церкви однимъ изъ князей русскихъ. [3] Письма блаженнаго Іеронима о воспитаніи Павлы и св. Василій вел к.

жизни. Отъ азбуки они переходили къ часослову и псалтыри, изучали молитвы и священные тексты, знакомились со службой церковной. Оттого-то предки наши и были насъ богобоязненнѣе, церковнѣе. Оттого-то, съ другой стороны, раскольники наши теперь столько стойки въ своихъ возраженіяхъ: церковная грамотность у нихъ развита и довольно усвояется ими чинъ богослуженія. Безъ церковно-славянской грамоты вѣдь нельзя намъ читать церковныхъ книгъ и молиться (на домашней молитвѣ) по этимъ книгамъ.

И такъ уважайте, православные, церковно-приходскія школы, которыя нынѣ снова вводятся у насъ и въ которыхъ церковно-славянская грамота—первый предметъ.

Святые обѣты Стефана.

Читая священное Писаніе ветхаго и новаго завѣта, онъ созналъ суету настоящей жизни (буде кто не поставляетъ ея цѣлью къ вѣчности), какъ слово Божіе *свѣтильникъ ногама* * и для каждаго христіанина. Онъ превосходилъ своихъ сверстниковъ способностіями, отличался и тѣлесною красотою: но все это нисколько не обольщало его. На-противъ въ душѣ его зародилось желаніе уйдти отъ міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала охота къ дальнѣйшему самообразованію въ наукѣ богословской. Между прочимъ онъ занялся положеніемъ пермянъ, или пермяковъ, которые не понимали христіанста, какъ предъ этимъ почему-то почувствовалъ расположеніе изучать ихъ языкъ. Эти инородцы пріѣзжали въ Устюгъ, чтобъ обмѣнивать свои мѣха и другія произведенія страны своей на русскіе товары. Св. Стефанъ каждый разъ встрѣчался съ ними на базарной площади, гдѣ была и соборная церковь. Возвращаясь отъ службы, онъ подходилъ къ нимъ и вступалъ съ ними въ разговоръ. Языкъ пермяцкій, на которомъ говорили тогда природные зыряне и многіе изъ устюжанъ, онъ уже хорошо сталъ понимать. Послѣ

---

* Псал. 118, 105.

многихъ свиданій съ пермяками онъ узналъ, что это народъ простой-неразвитой и къ своей вѣрѣ расположенный. А чѣмъ проще и не развитѣе какое либо племя, чѣмъ менѣе коснулось его общежитейское развитіе, тѣмъ при всей даже дикости его чище нравственныя его правила; потому что тогда оно ближе къ первобытной Адамовой природѣ, ближе къ дѣтскому состоянію. Вотъ почему люди, обращающіеся съ дикими, по мѣрѣ знакомства съ этою дикостью чувствуютъ расположеніе къ ней! Такъ и св. Стефану жалко стало пермяковъ. Онъ скорбѣлъ, что у нихъ не достаетъ истиннаго богопознанія и правильнаго богопочитанія, что они погибаютъ въ своемъ идолопоклонствѣ: „кому же (думалъ онъ) ближе позаботиться о просвѣщеніи ихъ, какъ не сосѣдямъ ихъ-устюжанамъ“?

Расположеніе къ пермякамъ замѣтили въ Стефанѣ его родители, и—тотчасъ же вспомнили предсказаніе свят. Прокопія, который назвалъ его „учителемъ Перми“. Въ душѣ его и стало сказываться еще одно стремленіе: ему недостаточно казалось поступить въ монастырь и предаться богословской наукѣ. Онъ желалъ посвятить себя какому либо особенному служенію въ жизни для славы Божіей. И такъ онъ сталъ молиться Богу, чтобъ Богъ указалъ ему путь служенія. И—вотъ послѣ одной изъ этихъ молитвъ, подобно свѣтлой молніи, блеснула передъ нимъ мысль пойдти къ пермякамъ для христіанской проповѣди*! По тому сладостному и спокойному чувству, которымъ сопровождалась въ душѣ его на первый разъ эта мысль, онъ созналъ, что ее подаетъ самъ Богъ. И чѣмъ больше онъ развивалъ въ себѣ миссіонерскую мысль, тѣмъ пріятнѣе чувствовалось ему на душѣ. При этомъ онъ и самъ вспомнилъ со смиреніемъ духа о предсказаніи Прокопія юродиваго, которое конечно не могло не остаться неизвѣст-

*) «Въ юности разумъ совершенный явивый...; измлада Христа возлюбивый...; яремъ Его носивый...; міръ и благая (міра) презрѣвый...» (изъ акаѳиста).

нымъ только ему одному. И такъ, чтобъ съ одной стороны удовлетворить своему желанію-уединиться отъ міра, а съ другой-приготовить себя къ великому дѣлу проповѣди, онъ рѣшительно отказался отъ семейной жизни. Семейная и мірская жизнь могла бы стѣснить его какъ въ приготовительныхъ занятіяхъ къ проповѣди, такъ тѣмъ болѣе на самой проповѣди. Въ то же время и городъ Устюгъ не могъ болѣе служить ему въ самообразованіи. Ему нужны были и книги въ большомъ количествѣ и знакомство съ разными чинами церковной службы и собесѣдованія съ лицами, высокими по образованію, сану и жизни. Такимъ-то пристанищемъ онъ находилъ для себя г. Ростовъ, гдѣ жилъ епархіальный архіерей и былъ монастырь. И такъ онъ простился со своими родителями. Благочестивые родители благословили его поступить въ монастырь. На-вѣрное имъ-то первымъ онъ и открылъ свою тайну пойдти со-временемъ въ Пермь для проповѣди[1].

II.

Жизнь и подвиги св. Стефана въ Ростовѣ.

Монашеское постриженіе его.

Стефанъ поступилъ въ монастырь, когда ему было отъ роду не болѣе 25 лѣтъ. Его постригъ въ монашество игуменъ Максимъ при епископѣ Парѳеніѣ, который вступилъ на каѳедру ростовскую въ 1364 году.[2] При постриженіи онъ сохранилъ то имя, которое носилъ отъ купели, хоть въ монашествѣ это имя его могло принадлежать другому святому. Тогда было въ обычаѣ монашеству-

[1] «Отшелъ еси отъ дому родителей твоихъ, водворяся... во иноческомъ житіи» (акаѳ). [2] Въ слѣдующемъ же году епископъ Парѳеній и скончался отъ моровой язвы (полн. собран. русск. лѣтописей и Никонов. лѣтопись).

ющимъ принимать имя по дню постриженія[1]. Монастырь, въ которомъ онъ постригся и поселился, былъ посвященъ имени святаго Григорія богослова и назывался не монастыремъ, а „братскимъ затворомъ“. Это скорѣе былъ только архіерейскій домъ съ нѣсколькими монашествующими лицами, чѣмъ монастырь. Здѣсь затворялись или уединялись иноки, которые съ монашескими подвигами соединяли исканіе богословской учености. Выходитъ, это была братская академія.

Григорьевскій монастырь, безъ сомнѣнія, не устоялъ предъ 500-лѣтіемъ, въ которомъ мы живемъ со времени св. Стефана. (Онъ существовалъ за-долго и до XIV вѣка, когда т. е. жилъ Стефанъ, всегда отличаясь образованностью своей братіи.) Только долго отъ него оставалось не занятымъ то мѣсто, гдѣ былъ деревянный храмъ, въ которомъ принялъ постриженіе и всегда молился св. Стефанъ. Здѣсь взамѣнъ деревяннаго храма на особомъ старомъ каменномъ основаніи (палаты) уже чрезъ 300 лѣтъ[2] послѣ св. Стефана былъ построенъ однимъ изъ митрополитовъ ростовскихъ[3] настоящій пятиглавый храмъ[4]. За-тѣмъ чрезъ новыя 100 лѣтъ каменный храмъ вмѣстѣ съ другими церквами въ большомъ пожарѣ обгорѣлъ, и только послѣ 20-лѣтняго запустѣнія возобновленъ. Но когда ростовская архіерейская каѳедра была перенесена въ Ярославль, тогда и этотъ храмъ пришолъ къ полному запустѣнію: колокольна его была разобрана и всѣ стѣны его рѣшено было за ветхостью сломать. Но произошло замедленіе въ окончательномъ разрушеніи. Давно уже и закрыли входъ въ церковь, потому что своды въ ней угрожали

---

[1] Такъ препод. Сергій, по крещенію Варѳоломей, современникъ св. Стефана и старшій его по рожденію лѣтъ на 15, постригся въ монахи 7 октября въ день мученика Сергія и Вакха и—принялъ имя *Сергія*. Да и крещаемымъ большею частью давали тогда имена по дню крещенія. [2] Около 1670 года. [3] Это Іона, по фамиліи Сысоевичъ. Онъ же построилъ и ростовскій кремль. [4] Всѣхъ колоколовъ на колокольнѣ Григорьевскаго храма было вѣсомъ 100 пудовъ.

паденіемъ: но самыхъ стѣнъ не разбирали по камешку[1]. Церковь оставалась за стѣнами ростовскаго кремля, на южной сторонѣ его. И—вотъ послѣ новаго-то почти 100-лѣтняго запустѣнія Григоріе-богословскій храмъ въ прошедшемъ году почитателями памяти свят. Стефана прекрасно возобновленъ! Теперь въ немъ снова совершается безкровная жертва[2]. Такимъ образомъ каждый изъ почитателей свят. Стефана можетъ видѣть по крайней мѣрѣ часть основныхъ стѣнъ, гдѣ онъ постригся въ монашество и усердно совершалъ богослуженія.

Въ званіи инока Стефанъ повелъ истинно-подвижническую жизнь: онъ хранилъ тѣлесное и душевное цѣломудріе, постился, смирялся, молился: раньше всѣхъ приходилъ въ церковь и позже всѣхъ уходилъ. Чистая и строгая его жизнь была видна всѣмъ,-отъ послушника до игумна, и сдѣлалась извѣстною самому архіерею въ Ростовѣ.

Посвященіе св. Стефана въ дьякона и за-тѣмъ священника.

За чистоту и строгость его жизни ростовскій епископъ Арсеній рукоположилъ его въ санъ дьяконскій. Это послѣдовало чрезъ пять лѣтъ послѣ постриженія его[3]. За-тѣмъ чрезъ новыя пять лѣтъ или еще болѣе онъ получилъ и священническій санъ. Во священника рукоположилъ его уже не Арсеній, а Герасимъ, и не въ Ростовѣ, а въ Москвѣ, почему же? Онъ отправился въ Москву, чтобъ

---

[1] Письмо ко мнѣ (отъ 12 мая 1879 года) изъ Ярославля отъ лица, видимо образованнаго, сановнаго и почитающаго память св. Стефана, но не подписавшаго своего имени. Цѣль письма была: вызвать чрезъ меня жителей нынѣшней Перми къ участію возобновить разрушающуюся церковь, въ основныхъ-то стѣнахъ которой былъ постриженъ св. Стефанъ пермскій. *Авт.* [2] Освященіе послѣдовало именно въ 28 октября 1884 года [3] Арсеній самъ посвященъ въ епископа не прежде 1374 года (русскіе святые Филарета черниговскаго). Мы и полагаемъ рукоположеніе имъ Стефана въ дьякона въ этомъ году.

объявить епископу Герасиму, мѣстоблюстителю въ то время митрополичьей каѳедры, о своемъ намѣреніи пойдти на проповѣдь къ пермякамъ. Только-лишь дьякономъ явиться ему къ тѣмъ, которыхъ потребовалось бы вскорѣ крестить, безъ сомнѣнія, было не удобно. И такъ епископъ Герасимъ, благословляя его на апостольскій подвигъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рукоположилъ его въ іеромонаха. Это было предъ 1379 году, послѣ смерти св. митрополита Алексѣя, который скончался вначалѣ 1378 года (12 февраля). Митрополитомъ всей Россіи тогда былъ предназначенъ нѣкто Михаилъ (митяй), который еще оставался въ санѣ архимандрита [1]. (А мѣсто великаго князя московскаго занималъ Димитрій донской. Что же до препод. Сергія, который былъ современникомъ и другомъ свят. Стефана, то Сергій давно уже носилъ санъ игумна и въ настоящее-то время былъ упрашиваемъ принять епископскій санъ съ тѣмъ, чтобъ и занять мѣсто митрополита.) Такимъ образомъ московскаго митрополита, какъ при рукоположеніи свят. Стефана такъ и когда Стефанъ отправился на проповѣдь, не было . Промыслъ Божій судилъ собственно епископу Герасиму, многолѣтнему [3] и благоговѣйному старцу, рукоположить его священникомъ и отпустить на апостольское служеніе. Въ акаѳистѣ равноапостольному и

---

[1] Патріархъ Макарій въ Константинополѣ, гдѣ въ то время рѣшались назначенія епископовъ на каѳедру митрополичью для Москвы, предоставилъ Михаилу послѣ смерти св. митрополита Алексѣя полную церковную власть. Михаилъ еще до своего путешествія въ Константинополь и посвященія въ санъ архіерейскій и началъ править дѣлами русской церкви. Поэтому-то въ краткомъ житіи св. Стефана пермскаго (при службѣ) говорится: „повелѣніемъ намѣстника, хотящаго быти митрополитомъ, Михаила, нарицаемаго митяя, поставленъ бысть св. Стефанъ пресвитеромъ тъ Герасима, епископа коломенскаго. Но Михаилъ (митяй) и совсѣмъ не дожилъ до архіерейскаго сана, котораго ему желалъ однѣ только великій князь: на пути въ Константинополь для хиротоніи онъ скончался. [2] Уже вполовинѣ 1381 года занялъ мѣсто митрополита въ Москвѣ Кипріанъ. [3] Отрывки изъ жизни св. Стефана въ церковной исторіи митропол. Макарія.

выражено, что „Герасимъ пріосѣненіемъ св. Духа поставиі (его) пресвитера“. Впрочемъ есть сказаніе, что св. Стефанъ видѣлся и съ тѣмъ Михаиломъ (архимандритомъ симоновaго монастыря), который предназначался для званія митрополита, и что Михаилъ (митяй) сразу же одобрилъ его предпріятіе для Перми.

Тринадцатилѣтнее приготовленіе св. Стефана къ проповѣди пермякамъ.

Стефанъ поступилъ въ Григорьевскій монастырь (въ Ростовѣ) уже съ мыслью посвятить тебя евангельской проповѣди пермякамъ. Почему же не прямо онъ идетъ изъ Устюга въ Москву, чтобъ тамъ получить благословеніе на это дѣло? Онъ помнитъ, что и Христосъ-спаситель впродолженіе трехъ лѣтъ приготовлялъ избранныхъ своихъ учениковъ быть апостолами. Онъ смотритъ на будущую свою дѣятельность не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, хоть „отъ юнаго возраста къ ней разжегся божественнымъ желаніемъ“; онъ хочетъ приготовить себя къ проповѣди, какъ только позволятъ обстоятельства. Переступивъ за порогъ монастыря Григорьевскаго, онъ и самъ не зналъ-сколько времени проведетъ здѣсь, какой это будетъ курсъ его самообразованія: во всемъ онъ предавалъ себя волѣ Божіей.—Въ чомъ же именно состояло его приготовленіе? Это было приготовленіе и научное-богословское и по самому образу жизни. Слово Божіе было для него открытымъ учителемъ еще въ Устюгѣ. Но толкователи слова Божія, и вообще святые учители Церкви, были ему почти неизвѣстны. Ихъ творенія (на-прим. Василія велик. и св. Златоуста) въ переводѣ съ греческаго языка еще не употреблялись тогда. И такъ онъ рѣшается изучить греческій языкъ, чтобъ ознакомиться съ писаніями святыхъ и вселенскихъ учителей греческой церкви. Впрочемъ съ греческимъ языкомъ тогда и были знакомые нѣкоторые изъ лицъ высшаго священническаго

сана; потому что не только митрополитами, но иногда и епископами, поступали въ Россію природные греки. А въ ростовскомъ монастырѣ предъ тѣмъ временемъ (въ 13 вѣкѣ) даже богослуженіе отправлялось по-гречески совмѣстно со славянскимъ, именно-на правомъ клиросѣ пѣли по-славянски, а на лѣвомъ по-гречески. Но-все же рѣшимости Стефана изучать греческій языкъ въ пожилыхъ лѣтахъ (извѣстное дѣло, что языки легче изучаются въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ), притомъ-изучать безъ всякаго учителя и сотрудника нужно было удивляться. Такой трудъ могъ предпринять только самый усердный искатель истины. Книгъ же греческихъ свят. Стефанъ нашолъ много въ Григорьевскомъ монастырѣ. И—вотъ любознательный инокъ мало по-малу переводитъ съ греческаго языка писанія св. отцовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сличаетъ съ греческимъ оригиналомъ славянскія богослужебныя книги, и отсюда-то со всею точностью изучаетъ славянскую письменность. Надобно сказать, что малограмотные переписчики уже допускали въ славянскомъ текстѣ, какъ церковныхъ службъ такъ и самого священнаго Писанія, искаженія. Разныя недоразумѣнія по переводу и вообще по богословскимъ предметамъ Стефанъ выясняетъ для себя еще путемъ преній. Епифаній, сожитель и собесѣдникъ его въ Григорьевскомъ монастырѣ, удостовѣряетъ въ его жизнеописаніи, что о какой нибудь нибудь строкѣ они вели между собой споръ. И вообще сказать, онъ входилъ въ бесѣды съ учоными и опытными старцами въ монастырѣ, отовсюду собирая полезныя знанія. Греческіе переводы, безъ сомнѣнія, требовали переписки: такимъ образомъ о Стефанѣ говорится, что онъ списывалъ многія церковныя книги и что этими списками его долгое время пользовались въ монастырѣ и послѣ него. Оставались памятникомъ объ немъ письменные труды и собственнаго его богомыслія. И—вотъ послѣ этого-то уже онъ дѣлаетъ болѣе рѣшительные шаги, чтобы быть проповѣдникомъ въ Перми! Онъ составляетъ для жителей этой страны, гдѣ

не было никакой грамотности, зырянскую азбуку. Для чего нужна была эта азбука? Вѣдь онъ уже владѣлъ зырянскимъ языкомъ, на которомъ и могъ проповѣдывать язычникамъ Христа?—Планы будущаго проповѣдника были мудрые. Проповѣдь его о Христѣ и была бы проповѣдью на зырянскомъ языкѣ. Но за-тѣмъ для тѣхъ, которые стали бы креститься, требовалось богослуженіе. А что же новокрещоные поняли бы изъ службы церковной, которая предлагалась бы имъ на чуждомъ для нихъ языкѣ? Не слѣдовало ли также въ ближайшемъ времени позаботиться для нихъ о томъ, чтобъ они сами читали святое евангеліе, языкъ котораго тоже былъ бы для нихъ непонятенъ? Вотъ почему богомудрый Стефанъ предпринимаетъ трудъ создать для зырянъ письменный языкъ и перевести на этотъ языкъ какъ богослужебныя книги тамъ и самое евангеліе!— Онъ глубокою думою дошолъ до того, что нѣтъ нужды передавать пермякамъ русскую-православную вѣру на русскомъ же языкѣ. Одинъ русскій языкъ еще не сближилъ бы ихъ съ русскимъ народомъ: должно было прійдти это сближеніе путемъ внутреннимъ,-единствомъ христіанской вѣры.—Церковь православная и была всегда снисходительна къ природному нарѣчію тѣхъ, которые крестились. Она поступала въ этомъ случаѣ по прямой заповѣди Спасителя: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ*[1]; *языки возглаголютъ новы*[2]. Если отъ одного крещонаго-вѣрующаго народа передавалась другому-некрещоному и *азбука* (алфавитъ), то также съ уступкою своего рода: къ этой азбукѣ дополнялись особыя буквы изъ языка некрещоныхъ[3].

[1]) Мѳ. 28, 19.[2]) Мрк. 16, 17.[3]) Замѣчательна при этомъ неуступчивость одной только римско-католической церкви. Она передала западнымъ народамъ свой латинскій алфавитъ безъ особыхъ измѣненій, какъ и требуетъ доселѣ, чтобъ и свящ. Писаніе и богослуженіе у народовъ, которые принимаютъ ея вѣроисповѣданіе, были только на латинскомъ языкѣ. Тяжело, но умѣстно, здѣсь сравненіе этого характера въ католичествѣ съ магометанствомъ: какъ алкоранъ такъ и богомоленія въ мечетяхъ у магометанъ вѣдь выполняются не на татарскомъ языкѣ, а на арабскомъ.

(Такъ и св. Стефанъ для составленія зырянской азбуки между прочимъ пользуется денежными значками у зырянъ, которые зыряне вырѣзывали на тонкихъ четвероугольныхъ палочкахъ (*пасы*) и которые служили имъ вмѣсто книгъ, понятныхъ только имъ однимъ[1].) Составивъ азбуку[2] и переводъ необходимѣйшихъ богослужебныхъ книгъ, онъ хочетъ провѣрить ихъ слухомъ природныхъ зырянъ. И—вотъ съ этою цѣлью оставляетъ на-время ростовской монастырь и отправляется на родину въ Устюгъ, такъ какъ тамъ на базарѣ въ извѣстную пору года можно было встрѣтить много пермяковъ! Знакомые ему изъ нихъ по прежнимъ свиданіямъ съ нимъ теперь увидѣли его уже инокомъ и въ санѣ дьякона. Они услышали отъ него какія-то новыя для себя рѣчи на природномъ ихъ языкѣ, но не понимали его цѣлей. (Были ли въ то время въ живыхъ его родители, не извѣстно.) Теперь близкіе къ нему изъ устюжанъ поняли,—за-чѣмъ же это онъ, будучи еще псаломщикомъ въ Устюгѣ, любилъ разговаривать съ зырянами, за-чѣмъ особенно избралъ себѣ иноческое званіе, а для мѣстопребыванія изъ монастырей-ростовскій монастырь. Тѣмъ болѣе въ самомъ Ростовѣ всѣ стали знать, къ чему стремится эта высокая предпріимчивая душа.

Что же до приготовленія его къ апостольскому служенію по самому образу жизни, то онъ, какъ добрый воинъ Христовъ, старался пріобрѣсти себѣ такія въ-особенности качества, которыя были необходимы ему, какъ миссіонеру инородцовъ, людей столько невѣжественныхъ и грубыхъ. Это были любовь его къ ближнему изъ любви ко Христу, терпѣніе различныхъ неудобствъ и нуждъ въ жизни, христіанское великодушіе къ тѣмъ, которые обидятъ

---

[1]) Даже и теперь еще не вывелись изъ употребленія у зырянъ „пасы“. Пасами они дѣлаютъ годовые разсчоты и примѣты минувшаго года въ хозяйственномъ отношеніи. [2]) Труды по азбукѣ и переводамъ св. Стефанъ выполнилъ около 1375 года. Долго была въ употребленіи зырянская азбука, изобрѣтенная имъ. Чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ него еще подписывался по-зырянски шестой за нимъ епископъ великопермскій, Филоѳей.

по недоразумѣнію, по суевѣрію, по зависти и другимъ личнымъ страстямъ, готовность ради дѣла Божія жертвовать и покоемъ своимъ и собственностью и самою жизнью, наконецъ-духъ ревности и смиренномудрія. Сознавалъ св. Стефанъ, что добрые примѣры жизни, необходимые и въ каждомъ священникѣ, еще необходимѣе для проповѣдника инородцамъ; потому что инородцы, какъ всегда неразвитые, не умѣютъ отдѣлить личность проповѣдника отъ проповѣди: не-примѣрную жизнь его они относятъ къ самому ученію, которое онъ предлагаетъ.—Преспѣянію св. Стефана въ духовныхъ подвигахъ содѣйствовала и связь его съ лицами, которыя были еще свят ѣе его: это св. Алексѣй, митрополитъ московскій, который во время епархіальнаго обозрѣнія городовъ каждый разъ видѣлъ его въ Ростовѣ; это за-тѣмъ преп. Сергій, устроившій уже въ то время столь недалеко отъ Ростова свято-Троицкую обитель.

И—вотъ въ столь разумномъ и усердномъ приготовленіи къ апостольской проповѣди св. Стефанъ проводитъ уже болѣе десяти лѣтъ! Чѣмъ же онъ удостовѣряется, что его трудъ будетъ не напрасенъ, что окажутся успѣхи его проповѣди? Онъ удостовѣряется въ этомъ и тайнымъ призваніемъ просвѣтить Пермь, и всегдашнею своею молитвою о просвѣщеніи пермяковъ, и вѣрою въ силу слова Божія, и ободреніемъ его рѣшимости со стороны близкихъ къ нему (на-прим. братіи въ монастырѣ), и наконецъ-смиреннымъ сознаніемъ готовности своей пойдти на проповѣдь. И такъ, помолившись усердно Господу-Богу и благословившись отъ своего ростовскаго епископа Арсенія, онъ отправился въ Москву, чтобъ тамъ объявить о своемъ миссіонерскомъ желаніи.

III.

Выходъ св. Стефана на проповѣдь.

Бытность его прежде въ Москвѣ и оттуда путь къ Перми чрезъ Вологду и Устюгъ.

Епископъ Герасимъ, переселившійся изъ Коломны въ Москву, чтобъ здѣсь совершать богослуженія и

управлять церковными дѣлами вмѣсто митрополита, котораго послѣ святаго Алексѣя еще не было, съ удивленіемъ и радостью выслушалъ собственный вызовъ инока Стефана пойдти въ Пермь[1]. Нѣсколько разъ онъ бесѣдовалъ съ инокомъ. Эти собесѣдованія вполнѣ удостовѣрили его, что Стефанъ самимъ Богомъ посылается на дѣло проповѣди, что если-бъ и власти, митрополичья и княжеская, стали искать для настоящаго посольства лицо, то не нашли бы никого способнѣе, приготовленнѣе и достойнѣе. Будто Стефанъ уже былъ въ Перми, будто онъ уже боролся тамъ съ препятствіями. Въ-особенности слѣдующая его рѣчь предъ Герасимомъ: „или приведу (пермяковъ) ко Христу или положу у нихъ за Христа свою голову“ дала почувствовать епископу, что остается только благодарить Бога, который посылаетъ Церкви такого ревнителя, остается *всяцѣмъ благословеніемъ*[2] благословить Стефана на проповѣдь. Герасимъ и поспѣшилъ посвятить его въ санъ священника. Предложилъ ему запастись для Перми святынями: елеемъ для возженія предъ иконами и частію самыми иконами, крестами и евангеліями, муромъ для крещенія и антиминсами для освященія церквей. Стефанъ взялъ всѣ эти дары и тѣмъ самымъ снова подтвердилъ свою вѣру въ слово Божіе, сила котораго непремѣнно скажется и на его проповѣди пермякамъ.—Великій же князь московскій, знавшій его по слухамъ еще изъ Ростова, видѣлъ въ святой рѣшимости его лучшую будущность Перми въ гражданскомъ отношеніи, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтеніе всему русскому царству новаго и богатаго края. Поэтому со своей стороны надѣлилъ его охранною грамотою противъ обидъ ему въ дальней странѣ. И такъ богозванный проповѣдникъ сдѣлалъ, такъ сказать, уже географическій шагъ для своей проповѣди. Тогда ему было отъ роду около 40 лѣтъ. Именно, онъ

[1] Митрополитъ Алексѣй (какъ мы сказали) зналъ Стефана и, безъ сомнѣнія, Стефанъ не скрывалъ отъ святаго архипастыря намѣреній своихъ относительно Перми. Но Герасиму Стефанъ не былъ дотолѣ извѣстенъ. [2] Ефес. 1, 3.

двинулся изъ Москвы къ Перми въ 1379 году послѣ праздника „благовѣщенія“, какъ богоизбранный благовѣститель пермякамъ. (Ростовъ онъ оставилъ уже навсегда: но жители Ростова не забыли его, и когда онъ умеръ,-стали изображать его вмѣстѣ со святыми святителями ростовскими*.) Только по-пути изъ Москвы онъ посѣтилъ своего друга, Сергія. Путь его долженствовалъ быть на Вологду. Отсюда его путешествіе могло быть до Устюга водой по рѣкѣ сухонѣ. Прибывъ въ Устюгъ, онъ объявилъ и тамошнему начальству о миссіонерскомъ своемъ предпріятіи и о уполномоченіяхъ его отъ Москвы. Нескоро онъ достигъ и до Устюга. Во всякомъ случаѣ отправился отсюда въ Пермь уже не весной, а послѣ того какъ началось полное движеніе водой, потому что спустился въ Пермь по сѣверной двинѣ. Сопутствовалъ ли кто ему на миссію въ качествѣ сотрудника или для услуженія? Кажется-нѣтъ; потому что великъ былъ страхъ у всѣхъ пойдти къ идолопоклонникамъ и среди ихъ странствовать. Правда, у нихъ жили же московскіе чиновники для сбора податей; но тѣ и знали одно дѣло-собирать подати, а не касались вѣры туземцовъ. Уже впослѣдствіи Стефанъ имѣлъ у себя изъ новокрещоныхъ келейника Матѳея. Такимъ образомъ онъ самъ долженъ былъ въ дорогѣ и укладывать вещи для миссіи и хранить ихъ (а вещей было не мало).

Мѣстность, религія и характеръ пермяковъ, къ которымъ шолъ съ проповѣдью св. Стефанъ.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе: въ какую именно страну шолъ св. проповѣдникъ, къ какому народу онъ несъ благодать христіанства, вѣровали ли чему эти люди и каковы они были по своему характеру.

---

* Памятникомъ этого почитанія служитъ пелена (отъ XVII вѣка), которая теперь хранится въ нижегородскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Въ глубокой исторической древности Пермь, или иначе сказать-Біармія[1], составляла изъ себя самую обширную и богатую страну. Это была страна, которую нынѣ занимаютъ цѣлыхъ четыре губерніи, притомъ-самыя же обширныя: *архангельская, вологодская, вятская и пермская*. Народы, которые населяли ее, принадлежали къ финскому, или чудскому племени, имѣли своихъ князей и укрѣпленные города[2]. По жизнеописанію св. Стефана (рукописному) послѣднимъ изъ этихъ народовъ числится „Пермь великая, глаголемая чусовая", слѣдовательно-часть нынѣшняго пермскаго уѣзда предъ ураломъ. Ко времени его Біармія частію уже потеряла значеніе страны богатой. Жители ея занимались тогда преимущественно охотой на звѣрей: мѣхами этихъ звѣрей они оплачивали Москвѣ свои подати. Между прочимъ вчислѣ племенъ, населявшихъ ее, было живое племя *серьянъ* или *зырянъ*. Это были жители возвышенностей, почти исключительно лѣсныхъ. Они же составляли изъ себя и пермянъ, такъ что слова „зыряне и пермяне" имѣли совершенно одинъ смыслъ и съ финскаго языка означали вообще жителей окраины, или украйны. Зыряне, первоначально жившіе при рѣкѣ камѣ, во времена Стефана сосредоточивались главнымъ образомъ около вычегды[3]. Изъ всѣхъ народовъ древней Біарміи этому-то народу и выпалъ жребій впервыхъ услышать евангельскую проповѣдь, и именно-изъ устъ св. Стефана. Зыряне имѣли свою религію, хотя оставались безъ всякой грамотности и письменности. Такъ на-прим. они вѣрили въ духовъ, добрыхъ и злыхъ. При этомъ они частію выражали вѣрованіе и въ единаго Бога; потому что объ одномъ изъ этихъ духовъ разсуждали, что онъ сотворилъ міръ[4]. Только они не

[1] Пермскія губернскія вѣдомости за 1845 годъ и д. [2] Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней пермской губерніи до урала найдены въ землѣ, такъ называемые, «клады»,-серебряныя тарелки и т. п. [3] Поэтому названія и нынѣшнихъ селъ по берегамъ вычегды чисто-зырянскія. [4] Этого великаго Духа, живущаго на небесахъ, они называли вообще именемъ *Енъ*.

признавали воображаемаго между духами творца вмѣстѣ съ тѣмъ и промыслителемъ о мірѣ,-говорили, что онъ живетъ гдѣ-то высоко, что на-прим. люди, которые находятся на землѣ, не заслуживаютъ его попеченія, что управленіе людьми онъ ввѣрилъ нисшимъ духамъ. Отсюда у зырянъ (какъ и у древнихъ язычниковъ, наприм. римлянъ) возникало вѣрованіе во многихъ духовъ, которымъ они подчиняли то и другое изъ своихъ занятій въ жизни. Нѣкоторыя вѣрованія выражали зыряне и вразсужденіи загробной жизни, а учители ихъ знали нѣчто по всемірной исторіи, на-прим. о смѣшеніи языковъ.—Что же до видимаго богопочитанія, то они прежде всего заимствовали себѣ боговъ отъ тѣхъ предметовъ, которые составляли ихъ главнѣйшее занятіе, отъ которыхъ зависѣло довольство ихъ жизни. На-прим. если они занимались звѣроловствомъ, то и производили себѣ въ боговъ соболей, куницъ, бѣлокъ и друг. звѣрей: по виду же этихъ звѣрей дѣлали себѣ идоловъ для поклоненія. Тутъ же они покланялись козамъ. За-тѣмъ они обращали взоръ свой кверху, чувствовали сильное вліяніе на себя солнца. И—вотъ по примѣру древнихъ язычниковъ * покланялись они и солнцу!— Стихія огня также была обоготворяема ими. Впрочемъ водяные боги не имѣли у нихъ особеннаго почота; потому что они рѣдко плавали, а жили только въ лѣсахъ. Какъ лѣсные-то жители, они имѣли мѣстнымъ божествомъ послѣ звѣрей деревья. Модныхъ же божествъ, какъ на-прим. нѣкогда римляне сочинили себѣ богомъ „фортуну“ (счастіе-судьба), у нихъ не было, равно какъ они не имѣли большихъ и богатыхъ храмовъ для своихъ идоловъ. Они устраивали предъ идолами нѣчто въ родѣ олтаря, который помазывали кровью животныхъ, которыхъ убивали въ жертву. Къ идолу они обыкновенно подходили на колѣнахъ, обнимали и цѣловали у него руки, обвѣшивали его своими жертвами изъ шкуръ.

*) На идеѣ солнца-свѣта, дѣйствительно, и египтяне и аравійцы и римляне останавливали свое воззрѣніе. Видимое солнце они называли „тѣломъ божества“.

звѣриныхъ. Но во главѣ всѣхъ своихъ идоловъ зыряне считали „войпеля“ и „золотую бабу,“ которые были поставлены въ извѣстныхъ пунктахъ и къ которымъ нужно было приходить изъ дальнихъ мѣстъ (3-4 недѣли пути пѣшкомъ). Какого вида былъ „войпель“, преданія на этотъ разъ не находимъ. Судя же по его имени, которое происходитъ отъ зырянскихъ словъ: *вой* (значитъ „ночной и сѣверный“) и *пель* (ухо[1]) заключаемъ, что въ этомъ идолѣ язычники почитали „не спящаго, или неусыпнаго хранителя своей страны“. Объ немъ уже черезъ цѣлыя 120 лѣтъ послѣ св. Стефана писалъ въ своемъ пастырскомъ посланіи къ пермякамъ московской митрополитъ Симонъ, убѣждая новокрещоныхъ не покланяться по древнему суевѣрію болвану.[2]—„Золотой же бабой“ называлось каменное изображеніе женщины, которая на своихъ колѣнахъ держала сына, а у ногъ имѣла внука. Названіе „золотая“ дано было ей за дорогія украшенія, которыя сносились къ ней[3]. Она стояла на устьѣ рѣки оби и наводила на всѣхъ страхъ; потому что по-временамъ отъ нея раздавались въ горахъ звуки, которые безъ сомнѣнія были искусственною игрою жрецовъ[4].—Наконецъ у зырянъ особенно была обоготворяема береза необыкновенной величины (объ этой березѣ мы скажемъ послѣ). Были у нихъ и свои служители вѣры, или точнѣе сказать-суевѣрій: это кудесники (*волхвы*) и тунны (*прогицатели*). Кудесники выдавали себя за великихъ таинственныхъ людей, запугивали народъ (когда кто не хотѣлъ слушать ихъ) гнѣвомъ боговъ, къ которымъ они будто бы стоятъ близко, обирали суевѣровъ и, конечно, всегда были го-

---

[1]) Жителямъ пермской губерніи очень извѣстно слово *пель* съ прибавленіемъ другаго слова: *мень* (мясо): это любимое кушанье у нихъ изъ муки и мяса, имѣющее (послѣ сваренья въ водѣ) видъ уха (мяснаго-то).[2]) Въ исторіи Карамз. и по другимъ источникамъ. [3]) Вологодскія губернскія вѣдом. за 1850 г. [4]) И въ древнихъ языческ. храмахъ обыкновенно дѣлались подземные ходы, а за-тѣмъ извѣстны были сокровенныя мѣста, куда входили только жрецы.

товы со всѣмъ озлобленіемъ напасть на того, кто бы сталъ отнимать у нихъ почотъ и выгоды.

Что же до нравственнаго состоянія обитателей Перми, то это были люди дикіе и частію жестокосердые: злыя свойства они усвоили себѣ отъ природы звѣрей, съ которыми постоянно обращались и которыхъ убивали. Епифаній, жизнеописатель св. Стефана, примѣняетъ на этотъ разъ къ Стефану рѣчь Спасителя, сказанную при посольствѣ апостоловъ на проповѣдь: *се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ*[1]. Впрочемъ пермяки и отличались справедливостью, простодушіемъ и гостепріимствомъ.

И вотъ къ какимъ людямъ шолъ святой Стефанъ съ евангельскою проповѣдью, готовый претерпѣть отъ нихъ для Христа всѣ трудности, всякіе страхи и самую смерть!

IV.

Пятилѣтняя его проповѣдь въ Перми въ санѣ священника.

Самая первая проповѣдь его въ с. Котласѣ.

Отыскивая для Христа заблудшихъ овецъ, св. Стефанъ (какъ мы сказали) въ Устюгѣ спустился внизъ по рѣкѣ „сѣверная двина“. Въ эту рѣку впадала большая же рѣка „вычегда“, по которой и начинались селенія зырянскія. Первымъ зырянскимъ селеніемъ онъ встрѣтилъ „пырасъ“, а по-нынѣшнему „котласъ“[2], въ 60 верстахъ отъ Устюга, у самаго устья вычегды. И такъ онъ высадился со своей лодки и вступилъ апостольскою ногою на землю пермскую. О, какъ онъ и самъ находилъ важною первую свою проповѣдь! какъ усердно молилъ Бога, чтобъ первая-то его проповѣдь имѣла успѣхъ! Послушаютъ его, увѣруютъ по его проповѣди во Христа и крестятся: онъ пойдетъ дальше,-пойдетъ уже не одинъ, какъ одинокимъ пришолъ, но съ кѣмъ либо изъ тѣхъ, которые чрезъ Христа будутъ ему „своими“, ко-

[1]) Мѳ. 10, 16. [2]) По-зырянски-то оно и было «пырасъ». На томъ же самомъ разстояніи отъ Устюга оно находится и нынѣ. Селеніе-большое.

торые хоть будутъ проводить его каждый разъ до новаго селенія, хоть нѣсколько помогутъ ему въ пути, какъ и въ самыхъ бесѣдахъ съ идолопоклонниками. На-противъ не послушаютъ его, преградятъ ему дальнѣйшій путь, и—онъ долженъ будетъ пріостановить ся, предоставить будущему времени обращеніе невѣрующихъ или прійдти къ нимъ снова, и даже нѣсколько разъ. Жители Котласа, какъ близкіе сосѣди къ Устюгу, были нѣсколько развитѣе прочихъ зырянъ и понимали по-русски. Стефанъ ласково привѣтствовалъ ихъ, объявилъ имъ о себѣ, кто онъ такой и за-чѣмъ пришолъ къ нимъ. И—вотъ слышится евангельская проповѣдь въ Перми: „есть истинный Богъ, творецъ неба и земли! Онъ все видитъ и слышитъ, всѣмъ управляетъ и обо всѣхъ печется; Христосъ есть спаситель грѣшниковъ“! Рядомъ же съ этими словами не могла не быть такая рѣчь: „идолы на-противъ ничего не видятъ, не слышатъ, не понимаютъ и не ходятъ, словомъ-одна пустота“. Зырянамъ страшною показалась послѣдняя рѣчь: „какъ это можно (думали они) хулить боговъ ихъ! боги имъ нравятся; боги ихъ грозные, такъ что тотчасъ же должна постигнуть казнь ихъ хулителя, да и всѣмъ не миновать ихъ гнѣва за эту хулу“. И такъ зыряне произносятъ ругательства на самого-то пришельца, стараются досадить ему и требуютъ, чтобъ онъ тотчасъ ушолъ отъ нихъ. Наконецъ большинство доходитъ до неистовства: хотятъ сожечь богопроповѣдника на кострѣ. Злодѣйская мысль уже была близка къ исполненію. Одни наметали костеръ дровъ и принесли соломы, чтобъ поджечь дрова: другіе кричали, что надобно еще обложить Стефана соломой, а потомъ поднести къ соломѣ огня. Остановились на послѣднемъ. И—вотъ Стефанъ уже былъ окутанъ соломой! Но вдругъ опустились у всѣхъ руки: никто не посмѣлъ подойдти къ нему съ зажженной лучиной. Его кроткій видъ, его безстрашіе въ виду смерти, а также опасеніе отвѣтственности за насильственную ему смерть предъ княжествомъ московскимъ вразумили неисто-

выхъ... На-противъ почти всѣ почувствовали къ св. Стефану расположеніе и сами стали просить его, чтобъ онъ предложилъ имъ проповѣдь*. И тамъ онъ снова и много разъ убѣждаетъ ихъ обратиться къ милосердію Божію и ко Христу, который пролилъ за человѣка свою кровь, и—что же? Почти всѣ жители Котласа пожелали креститься и крестились. Какую небесную радость почувствовалъ въ своей душѣ святой проповѣдникъ! какъ онъ благодарилъ Бога, „хотящаго всѣмъ спастися"! Тотчасъ же онъ водрузилъ среди селенія крестъ, а въ скоромъ времени построилъ и часовню. Послѣ этого можно было ему идти дальше. И вотъ онъ отправился въ селенія вверхъ по вычегдѣ!—Чьему же попеченію онъ поручилъ первокрещонцовъ? Благодати Божіей, которая дотолѣ была для нихъ только „призывающею", а теперь стала быть „дѣйствующею". Но чтобъ они и взаимно подкрѣпляли другъ друга въ вѣрѣ, которой удостоились, чтобъ молились вмѣстѣ и молитвою удерживали пребывающую съ ними благодать,—съ этою цѣлью онъ и построилъ у нихъ часовню. Такъ совершилась самая первая проповѣдь св. Стефана въ Перми! Въ какую пору года огласилась его проповѣдью дикая страна? Уже зимней порой (именно-въ Михайловъ день). Столько продолжительна была его дорога отъ Москвы до Перми при тогдашнихъ путяхъ сообщенія (вспомнимъ, что изъ Москвы онъ двинулся для проповѣди послѣ „благовѣщенья").

Проповѣдь св. Стефана по пути къ Гаму и въ самомъ этомъ селеніи.

Въ Котласѣ онъ, дѣйствительно, взялъ съ собой спутниковъ изъ тѣхъ, которые приняли крещеніе и вправленіи съ другими выражали особенную ревность къ вѣрѣ. Теперь ему нужно было идти небольшими деревнями: эти деревни слѣдовали по правому или нагорному берегу рѣки

*. Волог. епарх. вѣдом. 1850 г., № 4

вычегды, который только и былъ обитаемъ. Его проповѣди благопріятствовало то обстоятельство, что о проповѣдникѣ пока не знали жрецы язычниковъ; потому что жрецы жили въ большемъ количествѣ тамъ, гдѣ жить было имъ выгоднѣе, т. е. среди многолюдства и богачей земли пермской. До этихъ же мѣстъ свят. Стефанъ еще не скоро могъ дойдти. Такимъ образомъ онъ, благословляя Бога, и спѣшилъ распространять евангельское слово. Въ каждомъ мѣстѣ онъ прежде узналъ, кто тутъ почитается за старшаго или старостой. У старосты онъ спрашивалъ,-въ какомъ домѣ было бы удобнѣе ему остановиться или гдѣ въ большомъ количествѣ могли бы собраться къ нему деревенцы. Когда былъ указанъ ему такой домъ, *ту* и *пребывалъ* * онъ. За-тѣмъ тотъ же староста по просьбѣ его созывалъ къ нему деревенцовъ. Дождавшись ихъ, онъ привѣтствовалъ собраніе такою рѣчью, что „пришолъ къ нимъ проповѣдать истиннаго Бога, что отъ души желаетъ каждому изъ нихъ счастья и спасенія, что о путешествіяхъ его среди ихъ знаетъ и великій князь московскій, отъ котораго онъ даже имѣетъ на это грамоту“. Уже послѣ общей-то проповѣди онъ особо входилъ туда, гдѣ или семья была особенно велика или хозяинъ дома своимъ примѣромъ сильнѣе могъ подѣйствовать на обращеніе другихъ или были престарѣлые и больные, которымъ недолго уже оставалось жить и слѣдовательно тѣмъ болѣе требовалась проповѣдь о спасительной Христовой вѣрѣ. (Въ такомъ порядкѣ большею частью святой проповѣдникъ выполнялъ дальнѣйшій свой путь отъ Котласа!) Обратившихся онъ крестилъ, а людямъ упорнымъ угрожалъ вѣчною погибелью, и снова убѣждалъ ихъ познать истину. Изъ каждаго мѣста онъ выходилъ не иначе, какъ водрузивъ нѣсколько крестовъ и построивъ часовню. И теперь можно видѣть на этомъ пространствѣ (по правому берегу вычегды) его часовни и

* Мѳ. 10, 11.

кресты, какъ памятники проповѣди его. Правда, это не тѣ самыя часовни, которыя онъ подъ собственнымъ своимъ смотрѣніемъ построилъ. Но несомнѣнно онѣ стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ. Уже святой проповѣдникъ прошолъ отъ Котласа слишкомъ 200 верстъ. Уже онъ проникалъ въ глубь земли пермской. Предъ нимъ было обширное, непочатое поле для проповѣдническаго труда. Но по мѣрѣ его дальнѣйшаго пути проносилась объ немъ вѣсть, какъ о пришлецѣ изъ Москвы и проповѣдникѣ новой вѣры. Кто же впередъ его являлся съ этою вѣстью? Тѣ изъ зырянъ, которые не хотѣли принять его проповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ находили для себя противнымъ оставаться-жить съ увѣровавшими и крещоными. Эти-то люди бросали (на-время или совсѣмъ) свои дома и слѣдовали впередъ св. проповѣдника, чтобъ сказать объ немъ главнымъ своимъ жрецамъ и вооружить въ томъ и другомъ мѣстѣ противъ него народъ. И—вотъ въ многолюдномъ селѣ Гамѣ уже ожидало его самое ожесточонное сопротивленіе! Сюда собралось много жрецовъ, которыхъ онъ очевидно лишалъ своею проповѣдью довѣрія, почота и матеріальныхъ выгодъ. Онъ уже и извѣстился о сборѣ ихъ въ этомъ мѣстѣ и объ озлобленіи противъ него всего населенія. Какая опасность представлялась дѣлу Христову! Если въ Гамѣ не пріймутъ проповѣдника, если тамъ возмутъ верхъ невѣріе и ложь: не достигнутъ ли ловкость и злоба жрецовъ и того, что всѣ тѣ изъ зырянъ, которые уже крестились, снова возвратятся къ язычеству? Жалко было св. Стефану дѣла Христова, жалко было ему и собственныхъ трудовъ, которые онъ уже положилъ для проповѣди. И такъ онъ не останавливается предъ тучами и молніями, которыя ожидали его въ Гамѣ. Народъ, подстрекаемый жрецами, дѣйствительно, встрѣчаетъ его здѣсь криками. Онъ хочетъ привѣтствовать толпу отечески, но его не слушаютъ. Онъ проситъ себѣ слова, но его словъ не принимаютъ. Онъ только успѣваетъ въ толпѣ говорить: „за-чѣмъ, за-чѣмъ это вы нападаете на меня...? Чѣмъ я успѣлъ оби-

дѣть васъ...?. Господи, прости ихъ"! И- -что же? Кроткая его рѣчь, добродушное лицо и неустрашимость въ виду смерти такъ сильно подѣйствовали на всѣхъ и такъ ясно дали почувствовать въ немъ человѣка Божія, что неистовые люди рѣшительно замолкли. Нашлись даже такіе, которые приняли его къ себѣ въ домъ и предложили ему хлѣбъ-соль. Тогда онъ началъ бесѣдовать. Нѣсколько разъ онъ возобновлялъ свои бесѣды о Христѣ. Однако-жъ усердной пріемлемости бесѣдъ его не было, почему же особенно? Потому что гамимичи слишкомъ были преданы своимъ идоламъ. У нихъ за селеніемъ была завѣтная роща. Тамъ у нихъ стояла большая кумирница со множествомъ боговъ. Эта-то кумирница, какъ видимый знакъ суевѣрнаго богопочитанія, и удерживала ихъ отъ вѣры во Христа. Святой равноапостолъ видѣлъ, что въ высшей степени трудно ему бороться съ суевѣріемъ жителей Гама, пока будетъ оставаться у нихъ на глазахъ кумирница. И—что же? Онъ рѣшается покончить съ этой кумирницей. Страшная рѣшимость! Но, какъ гласитъ преданіе, самъ Господь-Христосъ явился къ нему и подкрѣпилъ его въ рѣшимости. Сталъ онъ выжидать время, когда бы не было никого изъ зырянъ у кумирницы. Настало такое время, и—вотъ онъ подложилъ подъ нее огня. Кумирница (она была деревянная) тотчасъ запылала. Увидѣвъ дымъ и за-тѣмъ пламя, гамичи тотчасъ поняли, кто это имъ надѣлалъ столько бѣдъ. Бросились они съ топорами и рогатинами спасать кумирницу. Прибѣгаютъ, и—что же видятъ къ новому своему изумленію? Видятъ, что Стефанъ, виновникъ ихъ потери, не только никуда не скрылся, на-противъ еще ожидаетъ ихъ къ себѣ, какъ-бы гостей. Одни и хотятъ спасти кумирницу, а прочіе всѣ бросаются на него, осыпаютъ его ругательствами, замахиваются на него дубинами, поднимаютъ надъ его головой топоры. Что же Божій ревнитель? Онъ падаетъ на колѣна и молится за обращеніе упорныхъ, а за-тѣмъ проситъ Господа-Бога о самомъ себѣ—принять его душу, если уже при-

шолъ для него часъ смертный. И—опять никто не дѣлаетъ ему рѣшительнаго удара. Одни останавливались такою мыслью: „какъ поднять руки на того, котораго и сами боги не посмѣли тронуть“? Другихъ сдерживалъ мѣстный обычай: „не нападать на странника, коли онъ самъ не начинаетъ боя“. Третьи опасались казни отъ князя московскаго. На этотъ разъ болѣе всѣхъ боялись жрецы; потому что на нихъ-то преимущественно пала бы отвѣтственность за жизнь святаго проповѣдника. Жрецамъ и желательно было только изгнать его изъ Перми. И такъ первая ярость стихла. Тогда св. Стефанъ встаетъ на одномъ возвышеніи и начинаетъ убѣждать народъ въ ничтожествѣ ихъ боговъ. Онъ говоритъ: „какъ же это ваши боги не могли защитить самихъ себя отъ меня, человѣка слабаго? за-чѣмъ они не выбѣжали изъ огня, за-чѣмъ не угасили пламени? за-чѣмъ позволили быть имъ въ такомъ униженіи? Видите, какъ они ничтожны и кому вы доселѣ вѣрили! Вѣруйте же истинному Богу, котораго я проповѣдую вамъ....“ и т. д. Эта простая и сердечная рѣчь произвела сильнѣйшее дѣйствіе на идолопоклонниковъ. Замѣтимъ: св. Стефанъ и раньше доказывалъ имъ ничтожество ихъ боговъ тѣмъ, что это работа ихъ же собственныхъ рукъ, что это бездушные болваны. Но тѣмъ изъ нихъ, которые были слишкомъ упорны или же совсѣмъ не хотѣли слушать евангельской проповѣди, нужно было доказать пустоту ихъ божествъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. И—вотъ теперь они сами видѣли, какъ одни изъ боговъ ихъ, долженствовавшіе быть (по ихъ понятію) неприкосновенными, валяются на землѣ, а другіе уже обратились въ угли и пепелъ, и какъ еще какой-то особенный нестершимый смрадъ исходилъ отъ догоравшей кумирницы! Наконецъ, нѣкоторые изъ гамичей тутъ же стали просить св. Стефана, чтобъ онъ крестилъ ихъ, и—были крещены. Но главнымъ зломъ были жрецы. Они не переставали волновать противъ проповѣдника народъ. Такимъ образомъ многіе рѣшительно не хотѣли слу-

шать его, но и новопросвѣщенные только съ боязнью-тайкомъ собирались къ нему. Онъ и оставилъ на-время Гамъ.

Проповѣдь св. Стефана въ Усть-вымѣ, уничтоженіе имъ тамъ обоготворяемой березы и сооруженіе первой церкви.

Слѣдуя въ апостольскомъ своемъ путешествіи водой вверхъ по вычегдѣ, Стефанъ остановился наконецъ тамъ, гдѣ въ вычегду впадаетъ рѣка вымь. (Селенію на этомъ мѣстѣ и было, какъ доселѣ остается, названіе „усть-вымь“.) Здѣсь была средина всей земли пермской; здѣсь жили богатые и знатные изъ зырянъ. Но здѣсь-то св. Стефанъ совсѣмъ не видѣлъ надежды, что съ перваго же раза самъ народъ соберется къ нему на проповѣдь, какъ въ простотѣ сердца собирались его слушать жители маленькихъ деревень. Чтобъ встрѣчаться съ усть-вымцами, онъ и устроилъ себѣ жилище близь божества ихъ. Это была та самая береза, о которой уже мы сказали, исчисляя главные кумиры у зырянъ. Въ настоящемъ случаѣ св. Стефанъ вполнѣ слѣдовалъ по стопамъ небеснаго пастыреначальника нашего, Іисуса Христа, который также пользовался для своей божественной проповѣди многочисленнымъ стеченіемъ народа (на-прим. въ Іерусалимѣ для богомолья, въ Капернаумѣ для торговли). Береза, обоготворяемая усть-вымцами, стояла на высокомъ берегу, да и сама по себѣ отличалась вышиной, въ ширину же была больше чѣмъ вътри обхвата. Она называлась „прокудливой“, или проказливой; потому что отъ нея происходило немало проказовъ-шанливостей, которыя то пугали народъ, то приводили его въ восторгъ. На-прим. зыряне, принося къ ней, какъ жертву, самое лучшее изъ своего звѣроловства, спрашиваютъ ее о томъ,-какъ они должны поступить въ особенныхъ какихъ либо случаяхъ, и—что же? Отъ березы слышатся ясные отвѣты. Откуда исходили эти отвѣты? Зыряне и думали, что имъ отвѣчаетъ сама береза, что въ березѣ поселился какой-то богъ.

Между тѣмъ жрецы прятались за густыми вѣтвями ея, а также прикрывали себя звѣриными мѣхами, которыми она была обвѣшена, и—отвѣчали молельщикамъ. Такимъ образомъ береза просто очаровывала зырянъ. Издалека и издавна они собирались помолиться предъ ней и спросить ее о судьбѣ своей. Стефанъ много уже слышалъ про нее. Увидѣвъ же ее теперь самъ, онъ нашолъ въ ней еще большаго врага для своей проповѣди, чѣмъ была кумирница въ Гамѣ. Онъ сталъ проповѣдывать всѣмъ и каждому истиннаго Бога у ней же самой. Но немногіе изъ-за нея вѣровали его проповѣди. И такъ онъ и здѣсь пришолъ къ мысли уничтожить идола. Медлить было нечего; потому что жрецы—чѣмъ дальше тѣмъ больше—старались прельстить народъ обманами и вооружить невѣждъ противъ христіанскаго проповѣдника. Все же выходили дни, когда предъ березой не было ни одного поклонника и когда значитъ не за-чѣмъ было и жрецамъ толпиться около нея. Притомъ она стояла за селеніемъ. Однако-жъ уничтожить ее огнемъ, какъ безъ труда была сожжена кумирница въ Гамѣ, Стефанъ не представлялъ себѣ дѣломъ легкимъ; потому что она не вдругъ бы загорѣлась и могла бы быть спасена народомъ, когда бы сбѣжался народъ. Но и рубить ее топоромъ, чтобъ потомъ по частямъ сожечь, Стефанъ такъ-же очень затруднялся; потому что долженъ былъ бы долго работать надъ нею, чтобъ сломить. Помощникомъ св. проповѣднику вездѣ былъ самъ Господь. Уповая-то на Его помощь, Стефанъ въ одно безлюдное утро и приступилъ съ топоромъ къ обоготворяемому дереву. Вдругъ послышались отъ дерева разные голоса, мужскіе и женскіе, старческіе и дѣтскіе. Голоса жалобно вопили: „Стефанъ, Стефанъ! За-чѣмъ ты насъ гонишь отсюда? здѣсь мы живемъ давно“.

Маловѣрующіе, услышавъ этотъ разсказъ нашъ, возразятъ какъ: „какіе же голоса могли слышаться отъ березы? не прибавленіе ли это суевѣрія къ суевѣрію въ разсказѣ объ идолопоклонникахъ“? Поставимъ и свой вопросъ. Ког-

да Спаситель пришолъ изгнать бѣсовъ изъ гадаринца: кто тогда вопилъ къ Нему сначала о пощадѣ отъ мученія (*не мучи мене*[1]), а потомъ о дозволеніи войдти вмѣсто бездны въ стадо свиней (*моляху Его*[2])? Вѣдь Онъ хотѣлъ доставить страждущему гадаринцу не мученіе, а исцѣленіе. За-тѣмъ страждущій вѣдь былъ одинъ и долженъ бы говорить отъ одного лица, а не отъ многихъ (*моляху*[2]). Несомнѣнно, въ бѣсноватомъ и вопили тѣ самые бѣсы, которые обладали имъ. Такъ точно и предъ св. Стефаномъ, когда онъ рубилъ березу, издавали вопли бѣсы же, которые находились съ березой. Имъ было пріятно витать здѣсь: витая около березы, они держали людей въ обманѣ и самимъ себѣ присвояли то божеское поклоненіе, какое воздавали ей зыряне. Такимъ образомъ они и кричали голосами всѣхъ тѣхъ, которые приходили обоготворить дерево,-и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодыхъ.

Цѣлый день до пота лица св. Стефанъ работалъ надъ березой, но не могъ совладѣть съ нею. Когда наступила ночь: онъ пошолъ въ свою келью, чтобъ отдохнуть. На другой день снова онъ сталъ работать (груду золота предложилъ бы за работу такому поденьщику!). И—вотъ только на третій день поддалось его топору дерево! Но ему казалось мало, что береза не будетъ болѣе выситься и красоваться. Онъ желалъ бы, чтобъ и прахъ отъ нея былъ развѣянъ, чтобъ чистымъ стало быть то мѣсто, на которомъ онъ въ ту-жъ минуту положилъ обѣтъ построить церковь и какъ-бы уже представлялъ себѣ эту церковь. И такъ онъ идетъ въ селеніе, чтобъ извѣстить усть-вымцовъ о погибели ихъ божества и чтобъ созвать крещоныхъ сбросить березу съ горы. Всѣ въ скоромъ времени сбѣжались къ березѣ. Некрещоные до того были поражены погибелью ея, что въ первыя минуты и незнали, что дѣлать. Крещоные же тѣмъ временемъ, слѣдуя сильному слову своего пастыря, дружно взялись за нее, притащили ее къ

---

[1]) Лук. 8, 28. [2]) ст. 31—32.

берегу и сбросили внизъ. Страшный грохотъ произошолъ отъ паденія ея, почувствовалось при этомъ до нѣкоторой степени и землетрясеніе, а вода въ рѣкѣ необыкновенно возмутилась. Крещоные въ испугѣ и радости подняли свои руки къ небу и говорили: „Господи помилуй“! Водворилась тишина, молчали также и идолопоклонники. Стефанъ велѣлъ разрубить березу на части, обложить ее сухимъ хворостомъ и зажечь. Дымъ покрылъ все селеніе, шумъ-трескъ далеко раздавались и наконецъ отъ березы остался одинъ пепелъ. Тогда послѣдовало новое чудо. Поднялась сильная буря, и—бурею-то разнесло весь пепелъ или всю землю отъ березы; за-тѣмъ ударилъ громъ, пролился сильный дождь, который и очистилъ самое мѣсто, гдѣ лежала береза. Мало по-малу пришли въ себя отъ испуга некрещоные. Что было имъ дѣлать? Св. Стефанъ казался для нихъ грознымъ и неприкосновеннымъ: „какая сила (думали они) должна быть въ томъ человѣкѣ и какъ можно приступить къ тому человѣку, который преодолѣлъ и главнаго нашего бога“? Они порѣшили извѣстить дальнихъ зырянъ, чтобъ всенародно напасть на него. Скоро пронеслась во всѣхъ окрестностяхъ вѣсть о погибшей березѣ. Отовсюду стали собираться зыряне со стрѣлами и луками, будто на войну какую. Св. Стефанъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ жилищѣ, видитъ съ высоты берега, какъ разъяренный народъ собирается на лодкахъ. И—вотъ собралось противъ него одного человѣкъ до 1000! Какая душа не содрогнулась бы отъ этого сборища! вполнѣ ли былъ бы силенъ противъ этой тысячи и равночисленный отрядъ войска, потому что чего же не готовы разгромить люди въ ярости! По-истинѣ требовалась особенная чрезвычайная сила Божія, чтобъ одному лицу устоять противъ такого множества вооруженныхъ, чтобъ остаться совершенно невредимымъ среди ихъ! Поднявшись на гору, гдѣ была келья св. Стефана, зыряне съ дикими воплями обступили его. Одни направили противъ него свои стрѣлы, какъ привыкли стрѣлять въ звѣрей, другіе бросились на

него съ конями, третьи же хотѣли раскидать его хижину. Но Господь-вседержитель, для славы котораго онъ столько уже потрудился и готовъ былъ еще трудиться, которому онъ предалъ и душу свою и тѣло, хранилъ его какъ зѣницу ока[1]. Какъ гласитъ преданіе, собравшихся зырянъ постигла слѣпота. Они испугались и стали умолять того же гонимаго Стефана, чтобъ онъ своею молитвою возвратилъ имъ зрѣніе. При этомъ они изъявили ему обѣщаніе сдѣлать богатые подарки, совсѣмъ оставить его въ покоѣ и выполнить всякую работу, какую только онъ укажетъ имъ. Какъ милостивый пастырь, онъ и помолился объ нихъ: они прозрѣли. Но душевная ихъ слѣпота была такъ велика, что, исцѣлившись отъ тѣлесной, они все еще не видѣли истины и снова напали на богохранимаго человѣка, угрожали вмѣстѣ съ нимъ замучить и тѣхъ, которыхъ онъ крестилъ. Такъ даже до четырехъ разъ они нарушали свою клятву, и—столько же разъ постигала ихъ слѣпота: раскаявались въ своей злобѣ, и—снова озлоблялись. Но здѣсь же сбылись для св. Стефана слова Писанія: *яко всяческая работна тебѣ*[2]. Такъ какъ наказанные слѣпотою сами вызывались выполнить отъ него всякія „подѣлія и работы“, только бы имъ прозрѣть: то онъ и воспользовался трудами рукъ ихъ для славы же Божіей. Въ его душѣ еще до уничтоженія березы таился обѣтъ предъ Богомъ построить церковь въ землѣ пермской. Самую первую церковь онъ хотѣлъ посвятить воспоминанію „благовѣщенія пресвятой Богородицы“. За-тѣмъ (какъ сей-часъ мы сказали) въ его душѣ сложилась обѣтная мысль и на мѣстѣ уничтоженной березы создать церковь. И такъ онъ дѣлаетъ зырянъ слугами себѣ въ томъ самомъ дѣлѣ, которому они противились, именно-заставляетъ ихъ поработать для будущихъ-то христіанскихъ храмовъ. Въ первый разъ они по его указанію вырубили деревья на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прокудливая береза, и очистили отъ лѣса всю эту мѣ-

[1]) Псал. 16, 8. [2]) —119, 91.

стность до берега рѣки. Во второй разъ окопали гору, сдѣлали на ней насыпь и вырыли рвы для стока воды. Въ третій разъ срубили лѣсъ на противоположной горѣ, которая отдѣлялась отъ первой только ручейкомъ, который впадалъ въ рѣку вымь. Въ четвертый и послѣдній разъ и здѣсь сдѣлали такіе же насыпи и рвы. И—вотъ цѣлый рядъ чудесъ, которыя происходили отъ святаго проповѣдника и ради его дѣла, христіанская его неустрашимость предъ лицомъ смерти и многія рѣчи его объ истинномъ Богѣ произвели же свое спасительное дѣйствіе на идолопоклонниковъ! Онъ говоритъ къ нимъ: „что же это былъ за богъ у васъ, коли онъ не устоялъ отъ моего топора? если-бъ въ березѣ находился богъ, то ему-то свойственнѣе было истребить и меня и топоръ мой, чѣмъ самому быть истребленну". Зыряне раздѣлились на кружки, стали собираться по домамъ и на улицѣ, чтобъ разсудить о новой вѣрѣ и о проповѣдникѣ ея. Они толковали: „не сила ли это была истиннаго Бога, когда мы вдругъ лишались зрѣнія, и—вдругъ же прозрѣвали? и не явное ли это безсиліе нашихъ боговъ, когда она отдаютъ себя на разрушеніе и сожженіе? не рабъ ли это истиннаго Бога Стефанъ, если онъ столько терпитъ отъ насъ нападеній, и—не гнѣвается на насъ, если тѣмъ еще сильнѣе заботится объ насъ и убѣждаетъ, чтобъ мы избѣжали вѣчной муки? Жрецы наши обираютъ насъ, а онъ не принимаетъ никакихъ даровъ и не проситъ себѣ ничего". И вотъ усть-вымцы и многіе изъ тѣхъ, которые собрались въ усть-вымь казнить проповѣдника, вмѣсто казни надъ нимъ просили его, чтобъ онъ крестилъ ихъ.

Первая церковь, которую построилъ св. Стефакъ въ Перми, и училище при ней.

По рѣкѣ вымь болѣе всего числилось теперь крещоныхъ, между прочимъ, и потому что здѣсь народонаселеніе было большее противъ тѣхъ мѣстъ, которыя уже прошолъ съ проповѣдью св. Стефанъ. Так. обр. сильно чувствовалась надобность въ церкви для ново-

крещоныхъ. Никто еще изъ нихъ доселѣ не пріобщался св. таинъ, такъ какъ не гдѣ и не съ кѣмъ было св. Стефану совершать безкровной жертвы. И такъ онъ приступилъ къ сооруженію церкви на томъ самомъ холмѣ или высокомъ берегу выма, который предъ тѣмъ по его требованію очистили отъ лѣса и укрѣпили зыряне, наказываемые слѣпотой, и при которомъ рѣка вымь впадала въ вычегду. Откуда же онъ взялъ для церкви иконы, колокола и другую утварь, которыми по тяжести ихъ не могъ самъ запастись изъ Москвы? Здѣсь ему оказали помощь устюжане, его соотечественники. Они уже много разъ слышали объ успѣхахъ его проповѣди, и—радовались. Эти радостныя вѣсти доходили до нихъ отъ зырянъ же, которые по-прежнему пріѣзжали въ Устюгъ для торговли. Но когда они узнали, что онъ уже и строитъ въ Перми церковь: то поспѣшили послать къ нему частію матеріалы для утвари, а частію самую утварь.—Благовѣститель Христовъ, дѣйствительно, посвятилъ первую церковь въ землѣ пермской евангельскому сказанію „о благовѣщеніи“, почему же? И въ память того, что онъ (какъ уже сказали мы) двинулся для проповѣди изъ Москвы послѣ праздника „благовѣщенія“, и за-тѣмъ для того, чтобъ ознаменовать тѣмъ появленіе свѣта Христова у зырянъ, какъ и благовѣщеніе архангела Гавріила было началомъ спасенія для всего міра. Построенную церковь (безъ сомнѣнія, она была деревянная) онъ, какъ священникъ, самъ освятилъ: антиминсъ же для нея былъ готовъ. Какую небесную радость ощущалъ каждый разъ въ своей душѣ св. пастырь, когда служилъ первыя обѣдни въ церкви! Теперь онъ и самъ сталъ часто пріобщаться тѣла и крови Христовой и пріобщалъ новокрещоныхъ. Всю службу онъ исправлялъ на зырянскомъ языкѣ, на который еще въ Ростовѣ перевелъ необходимѣйшія богослужебныя книги. Помощниками ему въ службахъ были тѣ изъ новокрещоныхъ, которые довольное время слѣдовали за нимъ, которыхъ онъ научилъ и чтенію книжному. Церковь—ясное дѣло—со-

дѣйствовала новому возрастанію вѣрующихъ. Многіе изъ усть-вымцовъ приходили только посмотрѣть ее. Звуки же родной рѣчи, доходившіе до нихъ здѣсь, весьма нравились имъ, а текстъ службы служилъ имъ вмѣсто проповѣди. Образа въ иконостасѣ казались имъ несравненно превосходнѣе безобразныхъ кумировъ ихъ, хотя св. Стефанъ при этомъ внушалъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, что тутъ не боги, а только изображенія святыхъ Божіихъ на деревѣ или полотнѣ. Святые въ своихъ образахъ казались имъ живыми, кроткими, спокойными, довольными и какъ-бы зовущими ихъ къ себѣ.—Вслѣдъ за сооруженіемъ и освященіемъ первой церкви св. Стефанъ построилъ при ней и училище. Безъ сомнѣнія, онъ же самъ сталъ быть и первымъ учителемъ для учащихся. Онъ собиралъ въ школу ни однихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, но и молодыхъ юношей; училъ ихъ часослову, псалтырю и другимъ церковнымъ книгамъ на зырянскомъ языкѣ. Истинно-отеческое и пастырское попеченіе онъ выражалъ о первыхъ ученикахъ зырянской школы; потому что готовилъ ихъ быть священниками въ Перми, какъ и дѣйствительно одни изъ нихъ служили при немъ же въ этомъ званіи для своихъ единоплеменниковъ, а другіе послѣ него. И такъ у пастыря зырянъ были теперь и церковь и училище и проповѣдь церковная. На все у него доставало времени и на всѣхъ трудахъ оставался онъ одинъ.

Пренія со св. Стефаномъ о вѣрѣ кудесниковъ, въ особенности Памы, и его побѣда надъ ними.

Зыряне стали оставлять своихъ кудесниковъ. Кудесники видятъ свое безсиліе не только изгнать изъ своей страны Стефана, но и лишить его жизни руками народа, который каждый разъ старались возбудить противъ него. Однако-жъ они еще не считаютъ свое дѣло совсѣмъ потеряннымъ. Отъ грубыхъ мѣръ противъ христіанской проповѣди они прибѣгаютъ къ мѣрамъ тонкимъ. (*Къ такому-то порядку дѣлъ на сей разъ врагъ-дьяволъ и всегда располагаетъ враговъ истины.*) И несомнѣнно еще, что каждый

некрещоный народъ, хотя бы былъ очень дикимъ и неразвитымъ, имѣетъ же издавна свои какія либо религіозныя воззрѣнія. Если онъ твердо стоитъ за эти воззрѣнія: ясно тѣмъ доказываетъ свою глубокую искренность въ нихъ. И такъ кудесники вызываютъ св. Стефана на споры о вѣрѣ. На-прим. они возражаютъ ему: „ты проповѣдуешь намъ одного Бога, а у насъ боговъ много. Со многими быть лучше: когда ихъ много, тогда и помощниковъ-покровителей себѣ мы имѣемъ больше. И дѣйствительно, боги намъ помогаютъ доставать мѣха разныхъ звѣрей. Мѣхами мы надѣляемъ вашу Москву, а Москва величается ими, отсылаетъ ихъ отъ себя въ подарки грекамъ, нѣмцамъ и въ орду". Между прочимъ на обличительную рѣчь Стефана: „почему же ваши боги не могутъ защитить себя ни отъ огня ни отъ топора моего", кудесники отвѣчали: „на этотъ разъ боги наши были милосерды; они не покарали тебя смертію, чтобъ ты вразумился и пересталъ ихъ оскорблять". Какія дѣтскія, хоть и жизненныя, понятія! Они могли имѣть значеніе только для такихъ слѣпыхъ умомъ, каковы были зыряне. Увидѣвъ и здѣсь свое безсиліе преодолѣть св. Стефана, кудесники и вмѣстѣ съ ними всѣ тѣ, которые оставались приверженцами своихъ идоловъ, рѣшились прибѣгнуть къ покровительству главнѣйшаго своего учителя, по имени Памы. Въ рукописяхъ этотъ *Пама* называется и *Паномъ*. Такое имя его, какъ и вообще народное преданіе о немъ, доказываютъ, что онъ былъ старшиной или княземъ зырянъ, жившихъ по рѣкѣ вымѣ. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ имѣлъ село *княжъ-погостъ*, или княжескій городокъ (отъ городка этого и доселѣ остаются слѣды укрѣпленій), хоть значительную часть времени онъ проводилъ въ дремучихъ лѣсахъ, занимаясь тамъ ворожбой. Это былъ человѣкъ очень старый; искусный въ волхвованіяхъ, и сильный довѣріемъ у зырянъ въ такой степени, что зыряне считали его первымъ избранникомъ у своихъ боговъ, что воздавали ему божескія почести, что воображали въ его волшебствѣ охранную силу и для всей

земли пермской. Въ крайнемъ только случаѣ рѣшались безпокоить его просьбою-прійти куда либо. И—вотъ явились къ нему послы изъ усть-вымa, по обыкновенію, съ низкими поклонами и богатыми подарками! Впрочемъ онъ уже слышалъ о св. Стефанѣ,-слышалъ, какъ Стефанъ сожегъ кумирницу и уничтожилъ главныя божества у зырянъ, наконецъ-какъ и церковь построилъ въ усть-вымѣ. Всѣ эти вѣсти въ высшей степени раздражали его. Онъ отвѣтилъ посламъ; „пойду, пойду съ вами! Не позволю, чтобъ какой либо человѣкъ со стороны позорилъ нашихъ боговъ и привлекалъ къ себѣ зырянъ. Сразу уничтожу его, какъ и предамъ мукѣ всѣхъ тѣхъ, которые послушали его и измѣнили богамъ своимъ“. Угрозы Памы впередъ его достигли до усть-вымцовъ (не вдругъ же онъ при старости лѣтъ собрался въ дорогу и дошолъ до усть-вымa). Новообращенные страшно испугались его угрозъ, а язычники радовались имъ. Дѣйствительно, предстояло искушеніе великое. Пама силою бѣсовскою производилъ удивляющія дѣла. Какъ же было не испугаться его угрозъ еще младенствующимъ въ вѣрѣ Христовой! Одинъ только св. Стефанъ ничего не боялся и подкрѣплялъ малодушныхъ словомъ Божіимъ. Но и онъ былъ озабоченъ за многихъ изъ тѣхъ, которые малодушествовали. Вотъ Пама и вступилъ въ усть-вымь! Прежде всего онъ обращается къ народу. Свиданія со св. Стефаномъ онъ избѣгаетъ, чтобъ за глазами сильнаго проповѣдника истины Христовой безпрепятственнѣе хулить христіанскую вѣру и тѣмъ скорѣе снова привлечь къ себѣ зырянъ. Онъ сказалъ: „люди пермскіе! за-чѣмъ это вы оставили вѣру своихъ отцовъ и не приносите больше жертвъ богамъ? за-чѣмъ довѣрились пришельцу изъ Москвы? развѣ Москва-мать вамъ? не оттуда ли приходятъ къ намъ приставники, чтобъ брать съ насъ подати? Да и самъ Стефанъ тоже не нашего рода. И что же онъ значитъ противъ меня по лѣтамъ? Онъ годится мнѣ въ сыновья. Я же и родился въ вашей странѣ и всегда былъ вамъ отцомъ. Смотрите,-сильно вы прогнѣваете своихъ боговъ“. На-

шлись изъ крещоныхъ отвѣтить: „прежніе наши боги уже не страшны для насъ; ихъ почти нѣтъ.“ Другіе изъ тѣхъ же говорили: „пойди, спорь со Стефаномъ и побѣди его, если хочешь, чтобъ мы по-прежнему тебѣ вѣрили“. Этими словами новокрещоные, очевидно, уже обличили себя въ томъ, что не вполнѣ были преданы христіанству, что готовы были снова вѣрить главному своему жрецу и учителю. А нѣкоторые выражали и явное сомнѣніе: „на которой же сторонѣ теперь истина“? Пама старается также прежде всякаго личнаго спора употребить противъ св. Стефана всевозможныя заклинанія и чары: „можетъ быть (думаетъ онъ) и обойдется дѣло просто, безъ словесной защиты предъ московскимъ проповѣдникомъ“. Но на этотъ разъ его волшебная сила ему измѣнила. Наконецъ, вызываемый ото всѣхъ на пренія, онъ рѣшился стать лицомъ къ лицу предъ Стефана. Тѣмъ съ большею готовностью на публичныя пренія шолъ самъ св. Стефанъ. И—вотъ всѣ узнали время, когда будутъ спорить между собой учители вѣры, и собралось множество слушателей. Улицы не вмѣщали народа. Такимъ образомъ всѣ обратились за предѣлы селенія, къ берегу выма. Пама началъ свою рѣчь къ св. Стефану укоризнами: „какою властію ты все это дѣлаешь*? Дѣла твои таковы, какихъ никто до тебя не дѣлалъ и не смѣлъ дѣлать. За нихъ достаточною казнью можетъ быть только смерть, которую ты и потерпишь отъ нашихъ боговъ, такъ что всякая память о тебѣ изчезнетъ“. Св. Стефанъ спокойно отвѣтилъ: „боги ваши и голоса не подали, когда я истреблялъ ихъ“. За-тѣмъ онъ снова разскрылъ предъ всѣми зырянами, кто же это были боги ихъ. „Это бѣсы, изгнанные съ неба (сказалъ онъ). Они-то принимали отъ васъ божеское поклоненіе въ идолахъ, которые сами по себѣ бездушны и ничѣмъ не всилахъ помочь вамъ. Они-то дѣйствовали чрезъ идоловъ, какъ

* Не такія ли же это слова, какъ приступали ко Христу-спасителю невѣрующіе книжники и фарисеи (Мѳ. 21, 23)?

могутъ дѣйствовать и на силы природы (на воздухъ и т. д.). Они всегда злы, завистливы и враждебны Богу и людямъ. Поэтому отъ нихъ ничего не могло быть и для васъ, кромѣ зла и погибели". Что же Пама, защитникъ идолопоклонства? Пама думаетъ поддержать своихъ боговъ такимъ важнымъ (по его мнѣнію) обстоятельствомъ: „пермяки смѣло идутъ противъ звѣрей (на-прим. одинъ-двое одолѣваютъ медвѣдя), между тѣмъ какъ русскіе должны на этотъ разъ запастись совокупною силою до десяти человѣкъ и болѣе". Этотъ успѣхъ пермяковъ онъ и относилъ къ помощи боговъ. Святой же Стефанъ для объясненія настоящаго успѣха не вдается въ естественныя или практическія разсужденія. Онъ возводитъ мысль своихъ слушателей къ первобытному невинному состоянію человѣка, когда человѣкъ обладалъ и звѣрями; онъ представляетъ примѣры изъ жизни святыхъ, какъ святые Божіи, снова приблизившись къ первобытной святости, достигали и прежней власти надъ животными, даже самыми свирѣпыми.—Пама прибѣгаетъ къ новому и будто болѣе сильному доказательству, что вѣра ихъ правая. Онъ говоритъ: „когда я и подобные мнѣ жрецы обращаемся къ богамъ нашимъ (здѣсь разумѣется гаданье-волшебство), то черезъ часъ же узнаемъ то, что происходитъ въ дальней сторонѣ, между тѣмъ какъ вы-христіане узнаете это развѣ черезъ нѣсколько недѣль". Св. Стефанъ могъ бы здѣсь повести рѣчь о быстротѣ духовъ злыхъ, о великомъ знаніи ихъ даже и послѣ паденія, и такъ далѣе. Но эта рѣчь или была бы непонятна зырянамъ или—еще хуже—расположила бы ихъ къ большему довѣрію ихъ богамъ. И такъ богомудрый учитель оставляетъ подобныя разсужденія и разсказываетъ зырянамъ о святыхъ Божіихъ, какъ многіе святые не только узнавали то, что совершалось на дальнемъ разстояніи отъ нихъ, но и открывали будущее, которое только еще должно было исполниться. При этомъ онъ говоритъ о древнихъ пророкахъ, какъ пророки за нѣсколько сотъ лѣтъ предсказали рожденіе и страданія Іисуса

Христа.—Слѣдовательно св. Стефанъ всѣмъ преніямъ своимъ даетъ характеръ проповѣди и ничего гнѣвнаго, страстнаго и излишняго не допускаетъ въ нихъ. Цѣлый день продолжались эти пренія: а время года было зимнее (первыя недѣли зимы). Стефанъ не имѣлъ времени ни принять пищи ни подкрѣпить себя сномъ: также и Пама голодовалъ (послѣднему ужъ было не до обѣда, потому что онъ шагъ за шагомъ терпѣлъ пораженіе отъ Стефана). Вдругъ ему пришла мысль подѣйствовать на учителя христіанскаго страхомъ. Прежде онъ полюбопытствовалъ узнать,-имѣетъ ли Стефанъ заговаривать огонь и воду. Смиренный проповѣдникъ отвѣтилъ, что „власть повелѣвать стихіями принадлежитъ одному Богу, творцу ихъ.“ Тогда Пама громко говоритъ: „чтобъ окончательно рѣшить, чья же вѣра истинная-твоя ли христіанская или наша зырянская, и чье жертвоприношеніе Богу пріятнѣе-наше ли отъ звѣрей или твое, которое ты будто также приносишь въ своей церкви, пойдемъ вмѣстѣ въ огонь и воду. Кто изъ насъ останется невредимъ: тотъ и побѣдитъ, того и будетъ правая вѣра. А кто не устоитъ противъ огня и воды: тотъ значитъ обманщикъ, какъ доселѣ обманывались съ нимъ и всѣ тѣ, которые держались той же самой вѣры. Пусть тогда весь народъ разсудитъ насъ.“ По-видимому, благонамѣренное предложеніе! Но развѣ только Илія-ревнитель или подобный Иліѣ праведникъ могъ бы высказать его. И какъ оно было торопливо! Не довольно ли было бы пройдти только чрезъ огонь, чтобъ и истинѣ оправдаться и защитнику ложной религіи погибнуть? Истинный-то богопочитатель, безъ сомнѣнія, остался бы живымъ и подъ зимнимъ льдомъ, если-бъ уже прошолъ благополучно черезъ огонь. *Неправда и солжетъ себѣ* всегда*. Что же св. Стефанъ? Какъ онъ встрѣтилъ предложеніе Памы? Онъ удивился предложенію и содрогнулъ отъ страха; потому что тотчасъ же представилъ себѣ то и другое, т. е. и пы-

* Псал. 65, 12.

лающій костеръ и зимнюю прорубь, тогда какъ Пама не думалъ здѣсь о самой дѣйствительности, но только обманомъ хотѣлъ взять себѣ побѣду. Однако-жъ кчему же бы послужилъ отказъ св. Стефана? Тогда съ Памой всѣ язычники восторжествовали бы и тотчасъ же могли бы броситься на тѣхъ, которые повѣрили проповѣди св. Стефана. Но и эти послѣдніе (если-бъ даже остались не тронутыми) соблазнились бы отказамъ своего просвѣтителя и крестителя. Они еще не могли разсудить, что „не слѣдуетъ требовать отъ Бога чудесъ и погублять безъ нужды жизнь“, чего именно требовалъ вызовъ Памы. Словомъ, минуты для истины Христовой настали столько рѣшительныя, что св. Стефанъ не былъ еще въ такомъ положеніи впродолженіе всей своей проповѣди, которой исполнялось уже около пяти лѣтъ. Между тѣмъ народу понравился вызовъ Памы и всѣ требовали, чтобъ завтра же (потому что была уже ночь) послѣдовало испытаніе вѣры посредствомъ огня и воды. Св. Стефанъ весь, духомъ и тѣломъ, обратился къ Богу, и—послѣ краткой молитвенной бесѣды съ Богомъ громогласно отвѣтилъ: „благословенъ Господь-Богъ! Принимаю предложеніе, хоть оно выше силъ моихъ, хоть не почитаю себя достойнымъ того, чтобъ Богъ чудесно сохранилъ мою жизнь“. Теперь-то и Пама встрепетнулся; потому что никакъ не ожидалъ, чтобъ Стефанъ рѣшился на его предложеніе. Но по гордости своей обожаемый волхвъ не хотѣлъ тотчасъ же отказаться отъ собственнаго вызова: какъ тяжело было бы ему встрѣтить ото всѣхъ названіе „труса“! Впрочемъ онъ и еще судилъ о св. Стефанѣ по самому себѣ, что „можетъ быть Стефанъ соглашается пойдти въ огонь и воду только-лишь на словахъ или ради того, чтобъ не показать себя боязливымъ; да и не сію-жъ минуту запылаетъ огонь, будетъ въ-готовности прорубь. Быстро разнесся слухъ по Усть-выму и въ ближайшихъ окрестностяхъ, что на слѣдующій день Стефанъ и Пама пойдутъ чрезъ огонь и воду. Такимъ образомъ собрались на зрѣлище всѣ, кто только могъ прійдти.

Настало время св. Стефану вполнѣ показать себя служителемъ великаго и истиннаго Бога. Онъ начинаетъ теперь доказывать истину Христову, *яко власть имѣя*[1]. Видитъ онъ на краю селенія не-жилой домъ, стоящій по-одаль, и—говоритъ: „принесите сюда дровъ и подложите подъ этотъ домъ огня“. Потомъ смотритъ на рѣку вычегду, покрытую льдомъ, и—велитъ другимъ лицамъ прорубить въ рѣкѣ два входа, одинъ-сверху, или по теченію рѣки, а другой-снизу, на довольномъ разстояніи одинъ отъ другаго и съ такими отверстіями, что можно было бы двумъ человѣкамъ вмѣстѣ спуститься чрезъ нихъ и за-тѣмъ выйдти изъ воды, если Господу-Богу угодно будетъ которого либо сохранить живымъ. Между тѣмъ Пама минута отъ минуты начинаетъ теряться. Когда весь домъ обнялся пламенемъ и проруби были готовы: Стефанъ палъ на колѣна и уже громогласно произнесъ молитву ко Всевышнему за себя и за весь народъ. Онъ молилъ Бога, чтобъ Господь-Богъ сотворилъ съ нимъ *знаменіе во благо*,[2] чтобъ ясно увидѣли это всѣ ненавидящіе истину, и—посрамились. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ трогательно предавалъ свою жизнь волѣ Божіей, какъ съ преданностью Богу умираетъ каждый праведникъ. Окончивъ молитву, онъ обратился къ тѣмъ, которые особенно были дороги ему, которыхъ онъ считалъ родными себѣ: „миръ вамъ, братья (сказалъ онъ къ крещонымъ зырянамъ)! Что евангеліе истинно и вѣчно, что истинный Богъ есть Отецъ, Сынъ и св. Духъ, троица святая и нераздѣльная, что одна только на землѣ всегда была и будетъ истинно-спасительная вѣра, именно—вѣра христіанская и православная, которую я и проповѣдалъ вамъ: за все это (какъ видите) я готовъ теперь положить мою жизнь, которая для меня такъ-же дорога, какъ и для каждаго человѣка. И если Господь не опредѣлилъ мнѣ болѣе жить на свѣтѣ: я умру и вы помяните меня“! Между тѣмъ разгорѣвшійся домъ издавалъ трескъ,

[1] Мѳ. 7, 29. [2] Псал. 85, 17.

пламя поднималось высоко и уже страшно было стоять вблизи дома. Благословивъ христіанъ священническимъ благословеніемъ, Стефанъ обратился къ Памѣ и сказалъ: „теперь пойдемъ же вмѣстѣ, взявшись объ руку, какъ условились“. Пама увидѣлъ предъ собой могилу, и— началъ отступать назадъ. Стефанъ крѣпко схватываетъ его за одежду и влечетъ его къ огню. Уже оба они довольно отдѣлились отъ народа и приблизились къ пылающему костру. Пама упирается изо всей силы, ищетъ за что бы ухватиться и падаетъ на землю. Весь народъ взволновался: всѣ требовали, чтобъ кудесникъ шолъ въ огонь, какъ было рѣшено. Св. Стефанъ голосомъ строгаго обличителя говоритъ къ нему: „вѣдь самъ же ты захотѣлъ *искусить* живаго Бога требованіемъ чуда, самъ же поставилъ это условіе для испытанія вѣры: за чѣмъ теперь отказываешься и хочешь бѣжать“? Пама измѣнилъ своей гордости: униженно палъ къ ногамъ человѣка Божія и сознался предъ всѣми, что хотѣлъ только запугать Стефана, что въ самомъ дѣлѣ боится идти въ огонь, въ которомъ сгоритъ, „какъ сѣно или какъ горсть соломы“. Стефанъ еще сказалъ ему: „если не въ огонь, то пойдемъ хоть въ прорубь“. Пама отказался и отъ другой вѣрной могилы. Послѣ всего этого св. Стефанъ спрашиваетъ его: „теперь ты побѣжденъ; хочешь ли увѣровать во Христа и креститься“? Пама упорно отвѣтилъ: „нѣтъ, не хочу“. Стефанъ обратился ко всему народу: „что вы послѣ этого думаете о своемъ учителѣ“? Народъ закричалъ: „казнить его смертію, какую только ты назначишь ему“! Между тѣмъ Пама той минутой уже успѣлъ было сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ при помощи своихъ дѣтей и внуковъ совсѣмъ скрыться. Народъ схватилъ его и поставилъ предъ лицо Стефана. Но милосердый пастырь сказалъ въ отвѣтъ народу: „нѣтъ! не будетъ моего слова о казни врагу моему! Христосъ послалъ меня проповѣдывать, а не казнить смертію. Если Пама не воспользуется даже и послѣдними днями своей жизни, чтобъ обратиться къ истинному Богу: его

ожидаетъ вѣчная казнь. Но отселѣ онъ не долженъ оставаться въ вашей землѣ, какъ злѣйшій совратитель вашъ къ идолопоклонству". Рѣшеніе истиннаго учителя Божія зыряне тотчасъ же выполнили: они выгнали изъ своихъ предѣловъ Паму со всѣми его дѣтьми и внучатами, которыя также не хотѣли креститься. И— вотъ Пама удалился лѣсами на рѣку обь въ предѣлы нынѣшняго березовскаго уѣзда (въ тобольской губерніи)! Тамъ онъ поселился между язычниками же (остяками) и основалъ особое селеніе „алтымъ". Селеніе это существуетъ и до-нынѣ: въ немъ-то сохраняется преданіе о Памѣ, какъ о первомъ поселенцѣ его*. Такъ послѣдовало окончательное торжество евангелія надъ невѣріемъ въ великой Перми!

Новыя двѣ церкви въ Усть-вымѣ, построенныя св. Стефаномъ.

Стефанъ всегда показывалъ себя на проповѣди зырянамъ кроткимъ и терпѣливымъ. Терпѣніемъ онъ покрывалъ всѣ обиды ему, всѣ препятствія его проповѣди и всѣ покушенія на его жизнь. Столь же очевидно онъ проявлялъ предъ всѣми и свое безкорыстіе. Уничтожая идоловъ, онъ сожигалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вещи, которыя были приносимы идоламъ въ жертву (на-прим. богатые мѣха и тонкія полотна). Правда, однажды онъ позволилъ же воспользоваться полотномъ отъ жертвъ идольскихъ своему келейнику изъ зырянъ, но для чего? Чтобъ показать тѣмъ большее презрѣніе къ бездушнымъ идоламъ: онъ велѣлъ келейнику употребить это полотно не на иное что, какъ на онучи. Самъ же по себѣ онъ довольствовался весьма малымъ и въ пищѣ и одеждѣ. На-прим. по преданію извѣстно, что однажды до того у него износилась обувь, что уже какая-то женщина сжалилась надъ нимъ и подарила ему новые сапоги. (Съ пріятностью онъ принялъ этотъ подарокъ: можетъ быть женщина и торговала обувью. И что еще? Онъ предсказалъ этой жен-

* Стр. на 1865 г., сент., стр. III.

щинѣ, что ради ея усердія благословляется все селеніе, гдѣ она жила, быть торговымъ. И—вотъ мѣстечко „Туглимъ[1],“ родина благотворительной женщины, даже не представляя изъ себя вполнѣ удобнаго центра для торговли, цѣлыя столѣтія было торговымъ, и только въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія уступило свои ярмарки другому селенію!) Въ-особенности же равноапостольный Стефанъ отличался евангельскою добротою сердца. Эту доброту онъ доказалъ предъ всѣми и въ своей борьбѣ съ Памой. Онъ запретилъ даже зырянамъ касаться Памы.—Наконецъ торжественна (какъ и неутомима) была его проповѣдь къ народу особенно по поводу преній съ этимъ-то главнѣйшимъ кудесникомъ.—И такъ въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ не долженствовало ли число вѣрующихъ (въ-особенности въ Усть-вымѣ и въ-особенности за послѣднее-то время) быстро увеличиться? Да, оно и увеличилось здѣсь вдругъ на многія сотни. Паденіе Памы отъ сильныхъ рѣчей и христіанской неустрашимости св. Стефана было для всѣхъ зырянъ какъ-бы пробужденіемъ отъ сна. Отовсюду зыряне стали собираться въ Усть-вымь, чтобъ „видѣть-смотрѣть Бога[2]“, котораго онъ проповѣдуетъ. (Многіе изъ нихъ по своей простотѣ и привычкѣ видѣть идоловъ обыкновенными глазами, дѣйствительно, думали, что и христіанскій Богъ, проповѣдуемый имъ, доступенъ зрѣнію.) Любвеобильный пастырь съ радостью принималъ всѣхъ и каждаго изъ приходящихъ, училъ и крестилъ всѣхъ: рѣки вымь и вычегда каждый день служили купелью для крещаемыхъ.[3]

Такимъ образомъ благовѣщенская церковь въ Усть-вымѣ, въ которой уже довольное время отправлялось богослуженіе, оказалась далеко не соотвѣтствующею численности крещоныхъ. Требовалось построить даже нѣсколько церквей. Объ одной изъ нихъ обѣтная мысль св. Стефана

---

[1]) Въ 25 верстахъ отъ г. Ярэнска. [2]) По-зырянски: «енэсъ видзедны». [3]) «И тако (т. е. послѣ паденія Памы) всея пермскія страны въ вѣру истинную свершися обращеніе» (акаѳ.)

намъ уже извѣстна. Между тѣмъ новымъ и величайшимъ благодѣяніемъ для своего миссіонерскаго дѣла онъ признавалъ побѣду свою надъ кудесникомъ. И вотъ онъ положилъ новый обѣтъ предъ Богомъ-создать еще церковь, и слѣдовательно долженъ былъ соорудить вдругъ двѣ церкви въ одномъ и томъ же Усть-вымѣ!—Мы видѣли, что въ посвященіи самой первой церкви (Божіей Матери, ея „благовѣщенія“) онъ руководствовался особенною мыслью. Точно также и съ сооруженіемъ этихъ двухъ церквей онъ разсудилъ соединить особенныя благодарныя чувства свои Господу-Богу. Именно-первую изъ нихъ онъ посвятилъ архангелу Михаилу. Почему же? Первѣе всего въ благодарность Господу-Богу за вступленіе свое въ землю пермскую, которое послѣдовало (какъ мы сказали) именно въ „Михайловъ день“. За-тѣмъ онъ желалъ почтить особенною памятью архистратига Божія, который помогъ ему отгнать бѣсовъ отъ прокудливой березы, подобно тому какъ нѣкогда тотъ же архистратигъ по волѣ Всевышняго изгналъ сатану и прочихъ падшихъ духовъ съ неба. Основаніемъ для престола въ этомъ храмѣ св. Стефанъ употребилъ самый пень отъ срубленной березы, да сбудется слово Писанія: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать*[1]. Другую же церковь онъ построилъ во имя святителя Николая чудотворца. Почему же? И опять-чтобъ возблагодарить Господа-Бога за входъ свой въ село Усить-вымъ потому что онъ пришолъ сюда именно въ „Нѳколинъ„; день. Но и вообще онъ питалъ особенное благоговѣніе къ памяти святителя Николая: по преданію ему принадлежитъ та икона съ изображеніемъ сего угодника, которая теперь съ особеннымъ почтеніемъ хранится въ соборной церкви г. Чердыни[2]. Гдѣ же святой строитель бралъ средства для сооруженія новыхъ двухъ церквей? Одни изъ новокрещоныхъ трудились безплатно при постройкѣ ихъ, а другіе жертвовали деньгами на постройку. Но и въ настоящемъ случаѣ жители Устю-

[1]) Рямл. 5, 20. [2]) Перм. губерн. вѣдомости 1847 г. № 1.

га, который процвѣталъ промышленностью и богатствомъ, съ радостью жертвовали на новые пермскіе храмы. Устюжане теперь ясно припомнили и много разъ пересказывали между собой пророчество св. Прокопія юродиваго, какъ Стефанъ, ихъ землякъ, будетъ учителемъ Перми. Так. обр. и богатые съ щедрыми вкладами и бѣдные со своими лептами спѣшили помочь строителю новыхъ церквей.

Возникаетъ вопросъ: „кто же могъ служить въ этихъ церквахъ? Вѣдь доселѣ св. Стефанъ оставался одинъ въ Перми и проповѣдникомъ и священнодѣйствующимъ въ благовѣщенской церкви". Но тогда какъ міряне г. Устюга жертвовали отъ своего усердія церквамъ, которыя онъ строилъ, нѣсколько лицъ изъ духовенства устюжскаго рѣшились пойдти въ Пермь, чтобъ содѣйствовать ему въ священническихъ службахъ.

Скажемъ здѣсь и о дальнѣйшемъ существованіи церквей усть-вымскихъ, сооруженныхъ св. первоучителемъ. Благовѣщенская церковь впослѣдствіи сдѣлалась каѳедральною. Она оставалась на томъ самомъ холмѣ, который возникъ искуственно посредствомъ насыпи, которую св. Стефанъ сдѣлалъ руками зырянъ-язычниковъ. Подъ тѣмъ же самымъ именемъ и на томъ же самомъ мѣстѣ существуетъ и теперь въ селѣ усть-вымскомъ каменная церковь. Въ этой церкви покоятся мощи трехъ епископовъ пермскихъ: *Герасима, Питирима и Іоны*[1]. (Тотчасъ за Стефаномъ слѣдовалъ епископомъ въ Перми *Исаакій*, а потомъ и были послѣдовательно эти три епископа: подобно свят. первоучителю каждый изъ нихъ вполнѣ оправдалъ въ себѣ для зырянъ „евангельскаго пастыря"; первые двое и умерли мучениками за проповѣдь.) Архангельская цер-

[1]) Прежде былъ въ Усть-вымѣ и особенный храмъ во имя ихъ. Но потомъ сдѣланъ къ благовѣщенской церкви придѣлъ съ сѣверной страны. Этотъ придѣлъ освященъ 120 лѣтъ назадъ (въ 1764 г.). Въ этомъ-то придѣлѣ противъ царскихъ вратъ нѣсколько на-право и почиваютъ святители (подъ спудомъ) въ общей гробницѣ. Надъ ракою ихъ находится икона въ серебряномъ басемномъ (самомъ тонкомъ, нечаканенномъ) окладѣ, изображающая ихъ во весь ростъ.

ковь существовала послѣ св. Стефана (съ возобновленіями) до 300 лѣтъ: по крайней мѣрѣ у историковъ извѣстна „рядная запись[1] отъ 1683 года на постройку новой деревянной церкви во имя архистратига Михаила вмѣсто той, которая первоначально была построена св. Стефаномъ[2].—На томъ же самомъ мѣстѣ (т. е. гдѣ была прокудливая береза) и подъ тѣмъ же самымъ названіемъ стоитъ и нынѣ церковь, но уже каменная, построенная вмѣсто второй деревянной всего чрезъ 100 лѣтъ[3]. Что же до Никольской церкви, то преданія объ ней намъ не извѣстны[4].

V.

Посвященіе св. Стефана въ санъ епископа.

Нужды въ епископѣ для Перми.

Цѣлыхъ три года св. Стефанъ былъ совершенно одинъ на всемъ апостольскомъ дѣлѣ въ Перми. По сказанію однихъ онъ окрестилъ, будучи въ санѣ священника, 700 человѣкъ, а по удостовѣренію другихъ до 1000. Первыми помощниками ему (какъ мы сказали) явились тѣ священники, которые сами пожелали перейдти къ нему на службу съ его родины, когда онъ построилъ еще двѣ церкви въ Усть-вымѣ; это было уже на четвертомъ году его апостольскихъ трудовъ. Но священники устюжскіе помогали ему въ дѣлѣ крещенія зырянъ, въ исповѣди, пріобщеніи и вѣнчаньи ихъ и во всѣхъ службахъ церковныхъ, а не въ проповѣди. (Съ приходомъ ихъ дѣйствительно стали сбываться для св. Стефана слова

---

[1]) Она была помѣщена въ извѣстіяхъ Император. археологическаго общества, кажется, за 1861 годъ. [2]) Копію съ этой рядной записи изъ нынѣшняго усть-вымскаго села пріобрѣлъ и съ глубокимъ почтеніемъ къ памяти св. Стефана хранитъ у себя московскій Андроніевскій о. архимандритъ Григорій (письмо его ко мнѣ отъ 23 декаб. 1882 г.). *Авт.* [3]) Именно въ 1787 г. Теперь же пень отъ прокудливой березы, или точнѣе сказать мѣсто, гдѣ была береза, находится подъ дьяконскимъ амвономъ. [4]) Въ настоящее время въ селѣ усть-вымѣ только двѣ-то первыя церкви.

апостола Павла, который говорилъ о себѣ: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити**. Крестить легче, чѣмъ проповѣдывать. Крещеніе можетъ совершить каждый, кто имѣетъ санъ священника: тутъ все уже готово,—и вѣра и душевное расположеніе того, кого нужно крестить.) Да, самое-то трудное и важное для просвѣщенія страны св. Стефанъ все еще несъ одинъ. (И неутомимъ же онъ былъ, какъ проповѣдникъ евангелія! Каждый изъ зырянъ имѣлъ къ нему доступъ не только днемъ, но часто и ночью.) Любимымъ мѣстомъ для его проповѣди былъ тотъ холмъ, на которомъ красовалась благовѣщенская церковь. Съ радостью онъ спѣшилъ сюда, когда въ церкви уже нельзя было помѣстить всѣхъ желавшихъ слушать. Но во многихъ мѣстахъ новокрещоные положили основаніе и для собственныхъ церквей. Гдѣ же было взять священниковъ для этихъ новыхъ церквей и цѣлыхъ приходовъ? Какъ былъ необходимъ общій пастырскій надзоръ и надъ христіанскими и полухристіанскими селеніями! Ростовъ, въ которомъ была архіерейская каѳедра и къ которому могла бы принадлежать новопросвѣщенная Пермь, находился далеко.

Главное же: лучшими распространителями христіанства (какъ и священниками) въ дальнѣйшихъ мѣстностяхъ Перми могли быть избранные изъ самихъ же зырянъ. Такъ разсудилъ св. Стефанъ, и—совершенно справедливо. Священникамъ изъ мѣстныхъ зырянъ не было бы нужды переселяться, знакомиться съ мѣстностями, приноравливаться къ своеобразному мышленію инородцовъ, изучать религіозныя повѣрья и порядки жизни у этихъ инородцовъ. Ихъ рѣчь прямо доходила бы до сердца народа; потому что русскій человѣкъ скорѣе можетъ вести убѣдительную рѣчь по-русски, въ разговорахъ же съ инородцами, хоть и на ихъ языкѣ, будетъ часто непонятенъ изъ-за русской постановки словъ и т. д. (Вѣдь и между самыми русскими рѣчь учонаго не

* 1 Кор. 1, 17 снес. 1 Тимоѳ. 5, 17.

всегда бываетъ понятна простолюдину. Словомъ, надобно уже до совершенства владѣть инородческимъ языкомъ, чтобъ вполнѣ васъ понимали.) Притомъ, какъ простолюдины къ простолюдину, такъ и инородцы къ людямъ своего племени, естественно могутъ имѣть больше довѣрія, чѣмъ къ чужому человѣку.—Не напрасно же въ свое время св. Златоустъ избралъ для готѳовъ проповѣдниками христіанскими достойныхъ изъ самихъ готѳовъ, какъ потомъ изъ нихъ же поставилъ священниковъ, діаконовъ и чтецовъ. Поставленные имъ священники и служили въ церкви, произносили проповѣди на готѳскомъ языкѣ. Святитель отдѣлилъ для нихъ одну изъ главныхъ церквей въ Константинополѣ, самъ приходилъ къ нимъ на богослуженія и приводилъ съ собой ученыхъ грековъ Въ службѣ ихъ и проповѣди на природномъ языкѣ онъ рѣшительно видѣлъ торжество христіанской вѣры*.

И такъ св. Стефанъ призналъ совершенно необходимымъ открыть для Перми самостоятельную епархію и на первое-то время имѣть духовенство изъ природныхъ зырянъ. При этомъ однако онъ не пренебрегъ и совѣтомъ новопросвѣщонныхъ. Избраннымъ изъ нихъ онъ высказалъ свое преднамѣреніе объ епархіи. Его предложенію всѣ порадовались и просили его же самого предпринять путешествіе въ Москву по настоящему дѣлу. И—вотъ онъ на пятомъ году своей проповѣди въ Перми отправился въ Москву! Это было зимою 1383 года, какъ лучшей порой для тогдашнихъ путешествій. Зыряне со слезами проводили своего первоучителя и молили объ немъ Бога, чтобъ онъ возвратился къ нимъ въ добромъ здоровьѣ; умоляли и его самого, чтобъ онъ не покинулъ новопросвѣщонныхъ дѣтей своихъ.

Путешествіе св. Стефана въ Москву по дѣлу объ епархіи и посвященіе его во епископа пермскаго.

Св. Стефанъ хотѣлъ воспользоваться зимой, столько каждый разъ продолжительной на сѣверѣ Россіи,

* Приб. къ твор. св. отц. 1844 г., ч. 1, стр. 344—345.

чтобъ и побыть въ Москвѣ и успѣть-возвратиться въ Пермь. Поэтому онъ не медлилъ въ настоящемъ пути своемъ. Просто онъ проѣхалъ Устюгъ, свою родину, предполагая лучше остановиться здѣсь на обратномъ пути.—Въ Москвѣ онъ тотчасъ же явился къ *великому князю* и митрополиту. Княжилъ по-прежнему благочестивый Димитрій донской. Митрополитомъ же былъ нѣкто Пименъ, лично еще не знавшій его. Митрополитъ одобрилъ всѣ мѣры его по миссіи, а великій князь просто былъ въ восторгѣ отъ его подвиговъ и успѣховъ.—Однако-жъ нашлись и въ самой Москвѣ люди, которые отнеслись къ просвѣтителю Перми не только неблагодарно, но даже грубо. Предметомъ нареканій ихъ были не самая проповѣдь св. Стефана и крещеніе пермяковъ, но изобрѣтеніе имъ зырянской азбуки и переводъ богослужебныхъ книгъ со славянскаго языка на зырянскій. Они толковали: „что это за новизна-переводить священныя книги? если требуется грамотность для пермяковъ, пусть же прямо изучаютъ славянскій и русскій языкъ“. Въ устахъ однихъ это была просто невѣжественная рѣчь (увѣровавъ пермяки сами будутъ желать-изучить русскую грамоту*): но въ большинствѣ такъ разсуждали люди завистливые, которые и не иначе при этомъ называли св. Стефана, какъ неблагозвучною его фамиліею „Храпъ“. Митрополитъ послѣ совѣщанія съ великимъ княземъ созвалъ и соборъ, т. е. пригласилъ нѣсколькихъ другихъ архіереевъ и священниковъ, чтобъ обсудить вопросы, которые вызвали св. Стефана изъ такой дали въ Москву. Самъ по себѣ

* Такъ и всѣ народы, говоря особенно о настоящемъ времени (напр. крещоные черемисы), охотно принимаютъ русскій алфавитъ, если искренно преданы христіанскому православію, которое на ихъ языкѣ «русская вѣра». Съ другой стороны, есть примѣры, что народы, даже иноземные, съ инымъ нарѣчіемъ и сводомъ законовъ, стремятся своимъ сердцемъ вмѣсто господствующаго государства, которое неправославно, къ чужому-православному государству (напр. православные сирійцы къ русскому же народу и русскому государю). Так. обр. отъ внутренняго-то идти ко внѣшнему (въ цѣляхъ объединенія) вѣрнѣй.

Стефанъ, названный еще за-долго до рожденія „епископомъ пермскимъ“, можно сказать, и не полагалъ быть въ этомъ званіи, какъ душа глубоко-смиренная. Онъ -то построилъ домъ: но первымъ жителемъ и распорядителемъ въ этомъ домѣ думалъ видѣть кого либо другого, а не себя. Онъ одинъ воспиталъ множество духовныхъ дѣтей: но отцомъ для этихъ дѣтей предоставлялъ назваться кому либо иному, а не себѣ. Да; святой труженикъ искренно сказалъ предъ собраніемъ церковной власти: „дайте Перми епископа, а я буду ему усерднымъ сотрудникомъ во всякомъ благомъ дѣлѣ“. Указывали было нѣкоторые изъ самыхъ членовъ на соборѣ на другихъ лицъ во епископа пермскаго, отыскивая не достойнѣйшаго, а только такого, которому хотѣли бы по личнымъ своимъ отношеніямъ предоставить высокій санъ. Между тѣмъ о пермскомъ-то первоепископѣ въ-особенности надобно было сказать, что его ожидали не почести и покой, а скорби, труды, противодѣйствія и гоненія. (Такъ ближайшій къ св. Стефану преемникъ, епископъ Исаакій, управляя новооткрытою епархіею (болѣе однако 18 лѣтъ*), самъ удалился на покой,-безъ сомнѣнія, по великой тягости служенія въ Перми.) Но митрополитъ со всею силою высказалъ свое мнѣніе, что „достойнѣе св. Стефана не находитъ никого быть епископомъ Перми“. Онъ прямо при этомъ назвалъ Стефана „апостоломъ Перми“ и сравнивалъ его съ первоучителями славянскими, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Тогда уже всѣ единогласно подтвердили избраніе св. Стефана епископомъ. Въ-особенности радовался этому рѣшенію великій князь.

И такъ Стефанъ принялъ рукоположеніе въ санъ епископа зимою того же 1383 года: тогда ему было отъ роду около 43 лѣтъ. Рукоположеніе его совпадало съ рукоположеніемъ Михаила, епископа смоленскаго, и послѣ-

* Рукоположенъ онъ былъ во епископа пермскаго 8 сентября 1397 года (полн. собр. р. лѣтоп. 1, а на покой удалился въ мартѣ 1416 года и умеръ въ Москвѣ (кн. наша: «Великопермская и пермская епархія», изд. 1789 г. стр. 16).

довало въ гор. Владимірѣ по тому поводу, что Владиміръ принадлежалъ къ митрополіи московской, что это была епархія „владиміро-московская“. Онъ сталъ быть въ силѣ всего 20 архіереевъ въ Россіи[1], а епархія пермская по числу сдѣлалась только-лишь восемнадцатою.[2] Великій князь былъ радъ всѣмъ послужить пермскому апостолу и епископу. Онъ пожертвовалъ св. Стефану въ качествѣ вотчины всю усть-вымскую волость съ ея богатыми пашнями и лугами, предоставилъ его вотчинѣ право безпошлинной торговли въ своемъ мѣстѣ и ему же отдалъ ту торговую дань, которая собиралась съ купцовъ и промышленниковъ, пріѣзжавшихъ въ Пермь, и которая должна бы поступать въ казну великокняжескую, наконецъ-предоставилъ ему особенныя преимущества при управленію епархіей въ дѣлахъ судныхъ. Безъ сомнѣнія, св. Стефанъ принялъ всѣ эти дары съ благодарностью не для себя лично, а только для внѣшняго устройства и благосостоянія края.

О, какъ же это зависть человѣческая старается унизить самыя высокія качества и заслуги другихъ! какъ самолюбіе и своекорыстіе людей усиливаются разрушить всякое доброе начинаніе ревнителей Божіихъ, препятствуютъ успѣхамъ самаго полезнаго дѣла, которому должна бы только радоваться каждая благородная душа! (Считаютъ себя христіанами, и—подъ разными предлогами или просто путемъ пересудовъ и поношеній желаютъ устранить отъ святаго дѣла то лицо, съ устраненіемъ котораго должно или совсѣмъ пасть дѣло или же сильно потерпѣть.) Св. Стефана за его трудъ по сочиненію зырянской азбуки и по переводу церковныхъ

[1]) По списку русскихъ епископовъ къ концу XIV вѣка (ист. россійской іерх.). [2]) На сѣверо-востокѣ же Россіи тогда были (послѣ владиміро-московской) только епархіи: ростовская, новгородская, суздальская (въ нынѣшней влад. губ.), рязанская, тверская, сарская (въ самой столицѣ татарскихъ хановъ) и коломенская (въ нынѣшней моск. губ.). Такъ еще мало было 500 лѣтъ назадъ епископовъ и епархій въ Россіи, и такъ *пермская* (а по первому своему названію «великопермская») епархія можетъ быть названа *древнею* вслѣдствіе сравненія съ другими епархіями!

книгъ постигли такіе же пересуды и обвиненія, какъ нѣкогда въ Моравіи и въ самомъ Римѣ латинскіе епископы и священники осуждали святыхъ Кирилла и Меѳодія за то, что послѣдніе создали славянскую грамоту и письменность, что перевели святое Писаніе и затѣмъ службы церковныя на языкъ славянскій. Но какъ славянскіе апостолы, такъ и пермскій апостолъ, поступили въ настоящемъ случаѣ вполнѣ мудро и по духу Христовой вѣры. Поэтому они и сами въ свое время обличали противниковъ своихъ. Такъ, когда латинскимъ духовенствомъ говорилось, что славить Бога чтеніемъ св. Писанія и службами церковными нужно только на трехъ языкахъ: „еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ“ по примѣру надписи Пилатовой, то святые Кириллъ и Меѳодій прямо нашли въ этомъ толкованіи ересь *трёязычную*, а самихъ толкователей назвали *пилатниками*. —Что же до потомства, то потомство и исторія (они уже отрѣшаются отъ пристрастія) со всею справедливостью оцѣниваютъ дѣятельность всѣхъ подобныхъ великихъ мужей. Вотъ на-прим. въ нынѣшнемъ-то году[1] вся православная русская церковь воспомянула тысячелѣтіе св. равно-апостоловъ, Кирилла и Меѳодія! Свое воспоминаніе она ознаменовала не только повсемѣстными праздничными богослуженіями, крестными ходами, особенными собраніями и чтеніями въ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ, но и сооруженіемъ величественныхъ храмовъ (въ Кіевѣ и Москвѣ), открытіемъ цѣлыхъ братствъ и обществъ подъ именемъ „Кирилло-Меѳодіевскихъ“. Торжественно же и часть ея-вся пермская епархія[2] воспомянула назадъ тому шесть лѣтъ 500-лѣтіе проповѣди св. Стефана пермскаго. И о! есть-есть за что молитвенно и торжественно почтить память этихъ равноапостоловъ!

---

[1]) 1885 г. 6 апрѣля. [2]) Въ 1879 году 26 апрѣля, по указу св. Синода, исполнены по всей обширнѣйшей (доселѣ) епархіи пермской молебны и крестные (вокругъ церквей) ходы въ память-то выхода св. Стефана на проповѣдь, которому тогда исполнилось ровно 500 лѣтъ.

Возвращеніе св. Стефана въ санѣ архіерейскомъ въ Пермь чрезъ Устюгъ.

Обратный его путь изъ Москвы волей и неволей оказался медлительнымъ. Во всѣхъ городахъ и селахъ, куда только проникъ слухъ о его проѣздѣ, православные встрѣчали его съ честью, просили у него благословенія и спѣшили принести ему пожертвованія на сооруженіе пермскихъ церквей. Съ христіанскимъ смиреніемъ онъ смотрѣлъ на всѣ эти встрѣчи и съ благодарностью принималъ всѣ пожертвованія, отклоняя отъ себя или только по самой усиленной просьбѣ принимая такіе дары, которые были подносимы лично ему. Безъ сомнѣнія, тѣмъ съ большимъ почтеніемъ и большею радостью готовились его встрѣтить и принять устюжане. И вообще жители Устюга, по причинѣ отдаленности своей отъ епархіальнаго города-Ростова, рѣдко видали у себя епископовъ. А теперь къ нимъ приближался въ санѣ архіерейскомъ ихъ землякъ, который (какъ надѣялись они) и остановится у нихъ на нѣкоторое время. И такъ они старательно освѣдомлялись,-скоро ли онъ будетъ къ нимъ. Ко дню его пріѣзда, можно сказать, уже опустѣли окрестныя деревни, а въ самомъ Устюгѣ и старые и молодые были на ногахъ. Наконецъ послышался колокольный звонъ. Тогда всѣ, не смотря на зимнее время, бросились къ дорогѣ, которая слѣдовала изъ Москвы, представители города держали въ своихъ рукахъ хлѣбъ-соль, духовенство вышло изъ церквей съ иконами и хоругвями и остановилось на берегу р. сухоны. О, благословенныя времена русскаго благочестія! Устюжане столько были рады видѣть св. Стефана, какъ архіерея, и такъ громко одни отъ этой радости восклицали, а другіе плакали, что и перестали быть слышимы пѣніе церковное и звонъ колоколовъ! Что же чувствовала въ это время душа самого Стефана,-смиренная, братолюбивая и боголюбивая душа! Не могъ и онъ удержаться отъ слезъ, тронутый любовью народа. Въ архіерейской мантіи, которую теперь надѣть ему было прилично, онъ шолъ

и благословлялъ на обѣ стороны,-шолъ медленно вмѣстѣ съ духовенствомъ (въ свою очередь духовенство было въ самыхъ свѣтлыхъ ризахъ) къ тому собору, гдѣ еще дитятей возглашалъ церковные стихи для пѣнія по должности канонарха и гдѣ потомъ служилъ причетникомъ. Когда же вступилъ онъ въ соборъ: все святое и близкое къ нему изъ его юношескаго возраста воскресло въ его памяти. Здѣсь онъ увидѣлъ тѣ самыя иконы, предъ которыми молился вмѣстѣ съ отцомъ своимъ,-тѣ самые лампады и подсвѣчники, которые возжигалъ, и частію тѣхъ же лицъ изъ духовенства, при которыхъ началъ свое служеніе Церкви. И опять душа его прославила Бога, дающаго своимъ вѣрнымъ рабамъ еще въ настоящей жизни почувствовать впродолженіе нѣкотораго времени ту небесную радость, которая будетъ вѣчною долею ихъ въ будущемъ свѣтѣ. И опять слезы потекли по его лицу! Воспоминаніе, трогательнѣе и прежнихъ, онъ встрѣтилъ по выходѣ изъ церкви. Здѣсь-на паперти онъ остановился предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ именно по преданію, извѣстному уже всѣмъ въ Устюгѣ, почти за сто лѣтъ назадъ Прокопій юродивый поклонился его матери, тогда еще трехлѣтней дитяти, и пророчески назвалъ его „епископомъ пермскимъ“. Теперь онъ дѣйствительно видѣлъ себя епископомъ пермскимъ, и—преклонилъ колѣна свои на этомъ самомъ мѣстѣ. За-тѣмъ онъ прошолъ и къ могилѣ Прокопія, которая была вблизи соборной церкви*, сдѣлалъ поклоненіе предъ юродивымъ и облобызалъ могильную икону.— Видѣлъ онъ и домъ родительскій, въ которомъ уже никого не было изъ его родныхъ.—Посѣтилъ домы тѣхъ благотворителей, которые раньше посылали къ нему пожертвованія на усть-вымскія церкви; удостоилъ своимъ посѣщеніемъ еще тѣхъ изъ нихъ, которые снова жертвовали на постройку церквей вообще въ Перми; навѣстилъ страждущихъ, предлагая при этомъ и слово утѣшенія и вещественную помощь. Обошолъ церкви и

* Возлѣ собора-то и теперь церковь во имя св. Прокопія, надъ могилою юродиваго.

монастыри; во многихъ изъ нихъ служилъ и проповѣдывалъ.—Между тѣмъ въ самой Перми уже высчитывали не только недѣли, но и дни и часы, чтобъ встрѣтить своего просвѣтителя. И самъ онъ сильно стремился въ Пермь. Устюжане проводили его столь же усердно, какъ и встрѣтили. Нѣкоторые изъ духовенства снова вызвались къ нему на службу въ Пермь и отправились вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ, пермяки дождались своего отца-благодѣтеля. Отъ радости они плакали, восклицали, цѣловали у святителя руки и одежду.

VI.

Дальнѣйшее равно-апостольское служеніе св. Стефана въ Перми.

Устройство имъ каѳедры архіерейской въ Усть-зымѣ и первое обозрѣніе всей паствы.

Возвратившись въ самый Усть-вымъ, св. Стефанъ первѣе всего обратилъ здѣсь благовѣщенскую церковь въ каѳедральную, а другую, которая была во имя архангела Михаила, сдѣлалъ своей домовой („крестовой“). Вблизи послѣдней и жили всѣ его преемники, епископы великопермскіе, до самаго перенесенія усть-вымской каѳедры въ Вологду. Здѣсь же онъ построилъ нѣсколько келлій для братіи собора и монашествующихъ крестовой церкви. Такимъ образомъ въ новопросвѣщонной странѣ и образовался первый монастырь, за которымъ осталось названіе „архангельскаго“*. Самый Усть-вымъ теперь получилъ названіе города „владычняго“. За-тѣмъ святой просвѣтитель страны позаботился увеличить число учащихся въ школѣ и завести новыя школы. Безъ сомнѣнія, онъ вводилъ грамотность въ школахъ только церковную. Зыряне изучали часословъ, псалтирь, осмогласникъ, пѣніе и письмо, и—все на при-

* Монастырь этотъ существовалъ даже до 1764 г., слѣдовательно всего 380 лѣтъ.

родномъ своемъ языкѣ. Но такъ какъ печатныхъ книгъ для ученья не было, то тѣ изъ нихъ, которые хорошо научились писать, вмѣстѣ съ тѣмъ переписывали оригиналы для школъ и для церквей. Здѣсь св. Стефану нужно было принять на себя новый трудъ, за которымъ онъ часто проводилъ свои вечера до полночи: повѣрять каждый списокъ съ оригиналомъ[1]. Иначе могли произойдти несогласія въ спискахъ съ церковно-славянскими книгами. Впрочемъ переписывались не особенно многія книги. Составивъ свои переводы (какъ знаемъ) еще въ Ростовѣ, Стефанъ не видѣлъ нужды переводить на зырянскій языкъ всѣ богослужебныя книги, какъ и не могъ перевести самой библіи[2]. Онъ подвергъ переводу только тѣ книги и службы, которыя употреблялись чаще, изъ книгъ же священнаго Писанія дѣлалъ (и раньше и теперь) одни отрывки, въ-особенности изъ новаго завѣта: „книги *нужныя* на ихъ языкъ переведе“, сказано[3]. Въ то же время устюжскіе священники начинали частію знакомить зырянъ со славяно-русскимъ нарѣчіемъ.—Такъ какъ святитель съ перваго же раза принималъ въ школы учиться не однихъ малолѣтнихъ, но и лицъ всякаго возраста: то теперь уже нашлись изъ нихъ не только подготовленные быть учителями другихъ, но и способные занять мѣста священническаго и церковнаго служенія. И—вотъ онъ, какъ первовоспитатель у зырянъ, однихъ назначаетъ учителями школъ, а какъ епископъ у нихъ-другихъ дѣлаетъ чтецами, третьихъ рукополагаетъ въ діа-

[1] Объ этомъ-то трудѣ его (т. е. по редакціи книгъ, переписываемыхъ зырянами), какъ частію и о новыхъ переводахъ его въ самой Перми, говорится у Епифанія, жизнеописателя его: «и книги писаше имъ..., церкви книгами исполняше..., книзи многи написавъ предастъ имъ». (Памятн. стар. русск. литерат. выпускъ IV, с.-Петер. 1862 г.) [2] Святой Меѳодій съ Кирилломъ началъ переводъ библіи и церковныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій въ 862 году, а окончилъ въ 883. Слѣдовательно переводъ былъ выполняемъ болѣе чѣмъ 20 лѣтъ. А св. Стефанъ столько-то лѣтъ и не былъ на всемъ апостольскомъ своемъ служеніи у пермяковъ.

коны и священники! Тѣмъ же изъ нихъ, которые время отъ времени сопутствовали ему въ его апостольской проповѣди, поручаетъ и самую проповѣдь: посылаетъ ихъ пока не къ цѣлымъ обществамъ, а въ отдѣльности къ нѣкоторымъ, не принявшимъ еще крещенія.

Устроивъ на первое время епархіальныя дѣла въ Усть-вымѣ, святой епископъ предпринимаетъ путешествіе по всей епархіи,-рѣшается быть вездѣ, гдѣ только были крещоные имъ самимъ или его первыми сотрудниками. Какую разнообразную и мудрую дѣятельность проявляетъ онъ при этомъ всюду! На-прим. освящаетъ церкви, которыя были начаты еще до путешествія его въ Москву:„и церкви святыя ставляше, иконами украшаше“. Объясняетъ подробнѣе прежняго истины Христовой вѣры, а некрещоныхъ увѣщаваетъ креститься. Учитъ новопросвѣщонныхъ, чтобъ жили *во всякомъ благочестіи и чистотѣ** и чтобъ слабыя свои силы въ борьбѣ съ прежними привычками и вообще со грѣхомъ (слабость эта тотчасъ же была сознаваема ими) надѣялись подкрѣпить силою Божіею, извѣстною подъ именемъ „благодати Христовой“. И какое утѣшеніе по милости Божіей святитель встрѣчаетъ всюду! Пермяки, такъ еще не давно грубые и свирѣпые, теперь совсѣмъ переродились,-сдѣлались кротки какъ агнцы. Они выражаютъ искреннее усердіе къ вѣрѣ и молитвѣ, живутъ между собой миролюбиво, а къ своему крестителю и пастырю, котораго прежде тяжко оскорбляли, столько показываютъ себя любящими, что и готовы были бы отдать ему свои души, тѣмъ болѣе, что онъ по-прежнему обращается съ ними простодушно и милостиво, какъ отецъ или братъ.—Впрочемъ индѣ св. архипастырь встрѣчалъ и нѣчто непріятное, какъ вообще не безъ вздоховъ смотрѣлъ на *многую жатву*. Такъ въ числѣ другихъ селъ онъ посѣтилъ Гамъ: это было то самое селеніе, въ которомъ при самомъ входѣ

* 1 Тимоѳ. 2, 2.

его для проповѣди народъ напалъ на него, возбужденный кудесниками. Пусть теперь ни кудесники ни народъ уже не имѣли прежней смѣлости напасть на него. Но тѣ-то самые, которые были крещены имъ здѣсь и которыхъ къ несчастію злые кудесники успѣли совратить къ идолопоклонству, встрѣтили его какъ неблагодарныя дѣти. Они вышли къ нему на встрѣчу и кричали: „а мы опять ядимъ бѣлокъ“ (т. е. опять приносимъ жертвы своимъ богамъ и ядимъ идоложертвенное*). Какъ горько было святителю услышать этотъ крикъ! И въ горести-то духа онъ произнесъ: „маловѣрный народъ, слѣпой народъ! да будетъ Гамъ отнынѣ слѣпымъ“! И—что же? Слово праведника тотчасъ получило свою карающую силу. Жители Гама сдѣлались подслѣповатыми, а за-тѣмъ дѣти ихъ уже стали раждаться близорукими. Вся волость послѣ этого получила названіе „слѣпородовъ“. Наконецъ о, чудесная сила слова святаго святителя! въ Гамѣ и теперь народъ отличается близорукостью.

Св. Стефанъ-отецъ и покровитель зырянъ въ жизни ихъ, семейной и общественной.

Гдѣ нѣтъ истинной-православной вѣры, тамъ не могутъ быть въ порядкѣ, вполнѣ желаемомъ, и дѣла семейной, какъ за-тѣмъ и гражданской, жизни. Св. Стефанъ вноситъ со свѣтомъ Христовымъ для ума зырянъ миръ-порядокъ и во всю внѣшнюю жизнь ихъ. Вражды супружескія и семейныя между ними не продолжаются долго, лишь бы дошли до его слуха и суда. Онъ рѣшаетъ враждующихъ не иначе, какъ примиреніемъ. Онъ учитъ всѣхъ, чтобъ сохраняли между собой миролюбивый духъ и выражали гостепріимство, примѣръ котораго показываетъ и въ самомъ себѣ: „и гостемъ (любляше) учрежденіе творити.“—Бѣдные и нищіе, конечно, быва-

* Бѣлокъ-то и другихъ мелкихъ звѣрей зыряне преимущественно ловили для своихъ жертвоприношеній идоламъ (ист. рос. іерархіи ч. IV).

ютъ вездѣ: но еще больше можно ихъ встрѣтить тамъ, гдѣ слишкомъ въ малой степени развиты трудъ и промышленность. Св. Стефанъ даетъ пермякамъ, дотолѣ большею частью только звѣроловамъ, совѣты къ разнообразнымъ житейскимъ занятіямъ. Владѣя по милости великаго князя московскаго значительными средствами отъ своихъ вотчинъ, онъ помогаетъ бѣднякамъ: „и милостыню любяше подаяти, нищепитаніе творити“.— Вездѣ также встрѣтимъ мы безпомощную старость, которая и не можетъ пойдти-просить себѣ милостыню. Св. Стефанъ вскорѣ послѣ того, какъ построилъ вблизи архангельской церкви келліи для братіи, соорудилъ здѣсь особый домъ для людей престарѣлыхъ и странниковъ. И—вотъ здѣсь стали заканчивать свои дни въ молитвѣ и покаяніи тѣ изъ зырянъ, которые проводили свою молодость въ служеніи идоламъ и въ одномъ плотоугодіи! Здѣсь же (такъ какъ въ Усть-вымѣ сосредоточивались христіанская проповѣдь и епархіальное управленіе) находили себѣ странноприимство приходящіе по дѣламъ церковнымъ изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ.—Сборщики податей и разныхъ налоговъ отъ московскаго княжества, безъ сомнѣнія, не переставали существовать и послѣ крещенія зырянъ: оставалось также у нихъ гражданское начальство, частію изъ нихъ самихъ подъ именемъ князей и пановъ, а частію изъ чиновниковъ, которые особо назначались изъ Москвы. Но уже теперь зыряне не обременяются излишними налогами; потому что сборщики и стыдятся и боятся духовнаго ихъ начальника и отца. Откуда происходила эта боязнь? Раньше св. Стефанъ имѣлъ охранныя грамоты только для себя лично, а теперь онъ обладаетъ большими уполномоченіями отъ московскаго князя и для защиты зырянъ вслучаѣ притѣсненій имъ. И вообще теперь слабые меньше стали терпѣть отъ сильныхъ; потому что въ самомъ выборѣ мірскихъ судей, а за-тѣмъ и въ судопроизводствѣ (т. е. когда кто обидѣлъ кого или самъ подлежалъ строгому наказанію за свои проступки), св. Стефанъ по праву принималъ не-

посредственное участіе: это участіе всегда было только въ духѣ отеческой строгости. Словомъ-зыряне чувствовали, что имъ живется теперь лучше и по внѣшнему положенію, чѣмъ жилось прежде.

Св. Стефанъ защищаетъ Пермь отъ цѣлыхъ непріятельскихъ отрядовъ.

Благодать Божія сначала радуетъ* человѣка, который возродился духовно и хочетъ жить иною (законною и богоугодною) жизнью. Она щадитъ юнаго христіанина или того человѣка, который только-что обратился къ Богу, и отъ посѣщенія какимъ либо горемъ, какими либо страданіями. Тогда человѣкъ опытно сознаетъ, что новая жизнь его течетъ лучше прежней, что стоитъ полюбить эту жизнь (а прежняя была полна непониманій, заблужденій, грѣховъ и страстей). Въ такомъ довольствѣ человѣкъ и готовъ бы остаться навсегда. Но ласки матери къ младенцу, равно какъ учителя къ новому ученику, какъ для пользы ихъ такъ и по ходу самаго дѣла, смѣняются замѣчаніями, отказами въ нѣкоторыхъ просьбахъ ихъ, а иной разъ и прямо наказаніями. Подобно этому и благодать Божія ведетъ каждаго новообращеннаго человѣка въ дальнѣйшемъ его времени, чтобъ онъ тѣмъ болѣе усвоялъ себѣ истину Христову и тѣмъ большаго достигалъ исправленія жизни. Такъ-же, можно сказать, она воспитываетъ для царства небеснаго и цѣлый новообращенный какой народъ. Этотъ-то примѣръ видимъ мы теперь надъ новопросвѣщенными пермяками. Когда пермяки начали нѣсколько выходить изъ младенческаго своего состоянія по вѣрѣ: ихъ стали постигать бѣды. Но св. Стефанъ, духовный ихъ отецъ и воспитатель, и здѣсь является для нихъ руководящею и спасающею силою.

Извѣстный намъ волхвъ Пама, послѣ того какъ былъ изгнанъ изъ пермскихъ предѣловъ и водворился

* Лук. 19, 6.

среди тобольскихъ язычниковъ, употребилъ усилія изъ самой дали повредить христіанству въ Перми. Такъ называемые „вогуличи“, по его подстрекательству, двинулись изъ тобольскихъ лѣсовъ и напали на зырянскія селенія въ-верхъ по рѣкамъ вычегдѣ и сысолѣ. Пермяки не были готовы къ борьбѣ. Злые враги лишали жизни беззащитныхъ, убивали ихъ скотъ, захватывали у нихъ имѣніе и сожигали цѣлыя селенія ихъ. Гдѣ было найдти защиту? Не въ одномъ ли Стефанѣ, не въ его ли только мудрости и силѣ? И—вотъ всѣ, которые были покрѣпче силами, бросились бѣжать къ Усть-выму. Милостивый отецъ и пастырь, узнавъ объ ихъ бѣдѣ, тотчасъ послалъ нарочныхъ въ Устюгъ съ просьбою, чтобъ оттуда поспѣшила вооруженная сила. Между тѣмъ вогуличи приближались къ самому Усть-выму. Они были намѣрены уничтожить огнемъ и церкви и все, что устроилъ св. Стефанъ. Усть-вымцы также упали духомъ и рѣшительно не надѣялись отразить ихъ. Св. Стефанъ ободрялъ усть-вымцовъ Божіею помощью. Вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевлялъ ихъ къ самозащитѣ, велѣлъ имъ вооружиться, чѣмъ могутъ, а имущество—сносить къ тѣмъ двумъ холмамъ, которые были укрѣплены и на которыхъ стояли церкви. Поспѣшилъ онъ обойдти съ иконами и хоругвями весь городъ. При этомъ снова призывалъ всѣхъ къ молитвѣ „взбранному воеводѣ“, Господу Іисусу Христу. Наконецъ, онъ столько сжалился надъ плачущими и въ такой силѣ самъ оживился вѣрою въ чудесную помощь Божію, что не хотѣлъ уже и дожидаться враговъ, но самъ отправился къ нимъ на встрѣчу вверхъ по рѣкѣ вычегдѣ. Съ нимъ и по его убѣжденію сѣли въ лодки болѣе мужественные изъ духовенства и зырянъ. Онъ облачился во всю архіерейскую одежду, какъ-бы готовясь принести какую службу Богу. Не таясь и молчаливо, но открыто и съ пѣніемъ церковныхъ молитвъ, поплыли они всѣ. И—что же? Какъ только вогуличи увидѣли встрѣчныя лодки,—испугались. Они поняли, что въ первой-то лодкѣ пловетъ самъ Стефанъ. Лицо его по-

казалось имъ грознымъ и могущественнымъ, ризы на немъ будто горѣли огнемъ, а самъ онъ будто бросалъ въ нихъ огненныя стрѣлы. Не могли болѣе безбожники сносить величественнаго вида „чернеча Степэ“, вообразили его по-своему самымъ страшнымъ волхвомъ, и— воротились всѣмъ отрядомъ назадъ. Попустились они и награбленнымъ вещамъ, желая только поскорѣй удалиться. Больше при св. Стефанѣ они уже ни разу не нападали на Усть-вымъ. Это было именно на третьемъ году его епископскаго служенія (въ 1385 году).

Но не на-долго успокоились пермяки. Въ томъ же самомъ году другая сторона рѣки вычегды (нижняя), гдѣ было больше жителей и гдѣ жили большею частью богатые изъ зырянъ, подверглась сильному нападенію, и—отъ кого же? Уже не отъ язычниковъ, а отъ христіанъ, которые промѣняли волю Христову, изложенную для нихъ (какъ и для всѣхъ) въ свят. евангеліи, на свою дикую волю. Это была „вольница новгородская“. Цѣлью нападенія она имѣла одно-ограбить. И— вотъ новгородцы уже успѣли раззорить значительную часть селеній внизъ по вычегдѣ! Св. Стефанъ съ перваго же раза является къ грабителямъ. Какъ крещоныхъ, онъ увѣщеваетъ ихъ евангельскими текстами и устращаетъ гнѣвомъ Божіимъ за обиды и грабительства: говоритъ имъ, что они „сами должны бы трудиться, а не пользоваться чужимъ,—трудиться такъ, чтобъ имѣли чѣмъ и помогать неимущимъ, а не отнимали бы послѣднее у другихъ“. Грабители вразумились, принесли раскаяніе, возвратили разграбленное и удалились. Но за одною ватагою ихъ является къ мирнымъ пермякамъ другая, которая также грабитъ и разрушаетъ. Св. Стефанъ снова поднимается для защиты дѣтей своихъ. Грабительскіе набѣги и еще повторялись. Тогда онъ рѣшился отправиться въ Новгородъ, чтобъ тамъ принести жалобу на вольныхъ людей начальству ихъ, извѣстному подъ именемъ „вѣча“: это было въ 1386 г. Въ Новгородѣ уже знали его, какъ просвѣтителя страны, какъ великаго праведника и ревностнаго защитни-

ка своей паствы. Такимъ образомъ онъ встрѣтилъ и здѣсь почтительный пріемъ ото всѣхъ,—и отъ бояръ и посадниковъ, а тѣмъ болѣе отъ мѣстнаго епископа, хоть раньше никого не зналъ здѣсь, и слѣдовательно могъ не надѣяться на успѣхъ своей просьбы. Рѣшено было подвергнуть суду изобличонныхъ грабителей, объявлены строжайшія наказанія и всѣмъ тѣмъ, которые бы еще стали нападать на усть-вымскую епархію. Этого мало. „Вѣче“ доставило св. Стефану вознагражденіе за разоренныя селенія, а бояре и посадники предложили ему добровольныя пожертвованія въ пользу ихъ. Возвратившись въ Пермь, онъ и надѣлилъ разоренныхъ вещами и деньгами почти въ такой же мѣрѣ, сколько они потерпѣли отъ грабителей*.

Св. Стефанъ питаетъ пермяковъ во время голода.

Уже совсѣмъ было забыли пермяки разоренія, которыя понесли отъ вогуличей и отъ новгородской вольницы: по-прежнему они стали въ покоѣ вести свои хозяйственныя дѣла. Но вотъ ихъ постигаетъ и прямое посѣщеніе Божіе! Это былъ голодъ, т. е. такой врагъ, котораго ни оружіемъ отгнать ни словомъ умолить нельзя. Голодъ подходилъ къ нимъ постепенно. Въ 1386 году въ ихъ странѣ, безъ того холодной, весна была особенно продолжительна и холодна; посѣвъ яровыхъ былъ повторенъ и отъ этого запасы хлѣбнаго зерна истощились. Но столько же продолжительный холодъ и вконцѣ лѣта помѣшалъ созрѣть даже вторичнымъ посѣвамъ. Такимъ образомъ еще съ осени былъ почувствуемъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Хлѣбные торговцы чрезвычайно возвысили свои цѣны на хлѣбъ.

* «Къ Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ (говорили пермяки о св. Стефанѣ)..., и ходатайствоваше и промышляше къ боляромъ же, къ началомъ..., многажды избавляя ны отъ насилія.... Но и сами новгородцы-разбойники словесы его увѣщавани бываху, еже не воевати на ны» (памят. стар. рус. литер. вып. IV).

Голодающіе зарыдали. Тогда св. Стефанъ первѣе всего открываетъ хлѣбные запасы своего архіерейскаго дома, и однихъ надѣляетъ хлѣбомъ, а другимъ даетъ денегъ на хлѣбъ. Голодъ усиливался и многіе уже стали питаться древесной корой; нѣкоторые же, оставивъ свои дома, пошли искать себѣ пропитанія въ Устюгѣ, но отъ изнеможенія силъ на полдорогѣ падали. Св. Стефанъ нѣсколько разъ выписываетъ хлѣбъ изъ Устюга. Когда же и тамъ хлѣбныя житницы опустѣли: онъ обращается за хлѣбомъ въ Вологду, которая была за самымъ Устюгомъ и отъ Устюга отстояла еще на большемъ разстояніи, чѣмъ Усть-вымъ находился въ-отношеніи къ Устюгу.

Наконецъ миновалось время голода. Но все же у однихъ не было чѣмъ снова засѣять поля, другіе не имѣли домашняго скота, чтобъ начать первыя полевыя работы. Св. Стефанъ одолжаетъ бѣдняковъ сѣменами и помогаетъ неимущимъ заводить скотъ. Всѣ же вообще жители вслѣдствіе голода естественно должны были обѣднѣть на долгое время. Между тѣмъ по обыкновенію требовались съ нихъ подати. Сборщики, не смѣя уже теперь требовать лишняго, были однако немилосердны къ тѣмъ, которые не оплачивали и положеннаго. Что же оставалось дѣлать неплательщикамъ? Нѣкоторые изъ нихъ уже скрывались отъ сборщиковъ въ лѣсахъ. И такъ св. Стефанъ и здѣсь спѣшитъ помочь народу. Онъ отправляетъ къ великому князю посланіе, въ которомъ подробно описываетъ минувшій голодъ и обнищаніе всѣхъ жителей, а за-тѣмъ проситъ у князя милости совсѣмъ освободить бѣдняковъ на нѣкоторое время отъ податей. Но посланіе не скоро еще могло дойдти до Москвы, да и князя могло не застигнуть дома. (Послѣднее-то предположеніе какъ-есть сбылось: князь путешествовалъ въ Новгородъ, чтобъ наказать новгородскую вольницу, которая безпокоила и его вотчины.) Къ виду этого и на основаніи вообще своихъ уполномоченій по дѣламъ гражданскимъ св. Стефанъ просилъ сборщиковъ, чтобъ доколѣ не послѣ-

дуетъ отвѣта на его письмо, они по крайней мѣрѣ помедлили бы сборомъ податей.—На мѣстѣ великаго князя оставался все еще Димитрій донской, глубокій почитатель его. Получивъ посланіе изъ Перми, князь тронулся бѣдственнымъ положеніемъ пермяковъ, выразилъ великое благоговѣніе предъ заслугами для края ихъ архипастыря и оказалъ истинно-царскія милости всѣмъ. Тотчасъ же онъ простилъ недоимки, а за-тѣмъ и освободилъ пермяковъ отъ податей на цѣлый годъ; архіерейской же каѳедрѣ послалъ довольно денегъ и подарковъ въ восполненіе тѣхъ утратъ ея, которыя она понесла во время голода; наконецъ и еще велѣлъ приписать къ архангельскому монастырю значительную часть окрестныхъ деревень.

Не остается ли послѣ этого сказать, что рѣдкій отецъ употребляетъ столько заботъ о внѣшнемъ благосостояніи своихъ дѣтей, какъ заботился въ свое время св. Стефанъ о пермякахъ?

Онъ путешествуетъ въ Москву для участія въ одномъ изъ соборовъ церковныхъ.

Года черезъ три послѣ голода въ Перми, когда здѣсь все еще живо были чувствуемы милости вел. князя Димитрія Іоанновича для края, пришла пришла вѣсть о кончинѣ его [1]. Св. Стефанъ глубоко поскорбѣлъ о благочестивомъ государѣ и благодѣтелѣ своемъ: призвалъ и всю паству свою помолиться объ умершемъ. Великокняжескій престолъ наслѣдовалъ сынъ Димитрія, Василій Дмитріевичъ. Но и митрополитомъ московскимъ вмѣсто Пимена, который рукоположилъ св. Стефана во епископа, сталъ быть теперь иной, нѣкто Кипріанъ, который уже 14 лѣтъ назадъ получилъ этотъ санъ, но только-лишь теперь утвердился на митрополіи московской [2]. Кипріанъ предназначилъ быть въ Твери со-

[1] Въ 19 мая 1390 года. [2] Исторія русской церкви митрополита Макарія. томъ IV стр. 77.

бору, чтобъ разсудить дѣла тамошняго епископа Евѳимія, на котораго приносилъ жалобу самъ князь тверской, Михаилъ. Къ этому собору онъ приглашалъ съ прочими и епископа пермскаго. Стефанъ повиновался приглашенію и отправился въ путь. По Божію устроенію и это новое путешествіе его въ Москву обѣщало (какъ дѣйствительно принесло) большую пользу церкви пермской. Чиновники московскіе въ Перми могли думать, что государственное значеніе его для края со смертію Дмитрія донскаго уменьшится и что они по-прежнему будутъ распоряжаться налогами на пермяковъ, какъ только хотятъ, и т. д. Но новый великій князь (какъ увидимъ) по примѣру своего отца отнесся ка просвѣтителю страны также съ глубокимъ почтеніемъ.

Путь въ Москву св. Стефана на этотъ разъ ознаменовался чудеснымъ событіемъ. Нельзя было ему не спѣшить въ дорогѣ; потому что близокъ уже былъ срокъ для отрытія въ Твери церковнаго собора. Не находилъ онъ также времени видѣться на пути со своимъ другомъ, преп. Сергіемъ, сколь ни горячо любилъ друга. Однако-жъ и просто проѣхать мимо Сергіевой-то обители онъ не могъ; потому что обитель всего была на разстояніи 10 верстъ отъ большой дороги и частію уже представлялась глазамъ. И такъ, достигнувъ того пункта (на горѣ), откуда можно было видѣть обитель, онъ вышолъ изъ своего экипажа, прочиталъ молитву „достойно есть“, поклонился низко обители, благословилъ ее и съ любовью послалъ такое свое привѣтствіе Сергію: „миръ тебѣ, духовный братъ“! Сергій въ это время сидѣлъ за трапезой съ монахами. Въ духѣ прозорливости провидя еще и тѣ минуты, какъ св. Стефанъ готовился остановить лошадей и выйдти изъ своего экипажа, онъ всталъ изъ-за трапезы и сказалъ: „учитель шествуетъ“! Потомъ нѣсколько помолчалъ на срединѣ комнаты, соображая о чомъ-то, также сотворилъ молитву, поклонился до земли и привѣтствовалъ въ свою очередь своего друга слѣдующими словами: „радуйся и ты, пастырю Христова стада, и миръ Божій

да пребываетъ съ тобою"! Братія удивились движеніямъ своего игумна во время трапезы и просили его объяснить,-кого же это онъ привѣтствовалъ. Онъ сказалъ, что въ то самое время останавливался противъ ихъ обители св. Стефанъ пермскій, который и послалъ къ нему братскій поклонъ. Нѣкоторые изъ монаховъ захотѣли удостовѣриться въ истинѣ этого событія и поспѣшили къ мѣсту, гдѣ останавливался св. Стефанъ. И—что же? Они еще застали на этомъ мѣстѣ тѣхъ людей, которые, также слѣдуя въ Москву и отдыхая дорогой, были очевидцами того, какъ св. Стефанъ выходилъ изъ своего экипажа и кого-то привѣтствовалъ*.

Какъ только св. епископъ прибылъ въ Москву и успѣлъ видѣться съ новыми вел. княземъ и митрополитомъ, долженъ былъ слѣдовать въ Тверь на церковный судъ. Кромѣ митрополита Кипріана соборъ этотъ составляли еще двое митрополитовъ греческихъ: Матѳей адріанопольскій и Никандръ гайскій, которые были въ Россіи гостями, а также тотъ смоленскій епископъ Михаилъ, съ которымъ св. Стефанъ одновременно былъ рукоположенъ во епископа.—Если теперь мы сопоставимъ св. Стефана съ епископомъ тверскимъ, для котораго составился въ Твери церковный соборъ: то увидимъ поразительную противоположность. Онъ былъ отцомъ, покровителемъ и питателемъ пермяковъ-своей паствы; его всюду по Перми встрѣчаютъ съ радостными восторгами и провожаютъ со слезами: а Евѳимій подпалъ такой нелюбви у тверянъ, что не только князь тверской, но и бояре и духовенство не хотѣли его имѣть

* Нынѣ это мѣсто ближе къ Сергіевой лаврѣ на двѣ версты и называется «поклонною горою» (между хотьковымъ монастыремъ и лаврой). Теперь тутъ каменная часовня, въ которой поставленъ большой крестъ и постоянно горятъ свѣчи и лампады. Богомольцы останавливаются въ часовнѣ для молитвы и отдыха. А вначалѣ на этомъ мѣстѣ былъ встрѣчаемъ иконами самъ преподобный Сергій, когда возвращался изъ Москвы. Здѣсь же получили благословеніе и окропленіе святой водой Пожарскій и Мининъ, когда отправлялись на защиту Москвы въ крайне-смутныя времена.

у себя епископомъ! За нарушеніе уставовъ церковныхъ Евѳимій и былъ осужденъ жить на покоѣ въ московскомъ чудовомъ монастырѣ[1]—За-тѣмъ св. Стефанъ участвовалъ въ архіерейскомъ рукоположеніи для Твери новаго епископа изъ архидіаконовъ митрополичьихъ, по имени Арсенія[2].—Пользуясь своею бытностью въ Москвѣ, онъ исправилъ здѣсь необходимѣйшія дѣла по своей епархіи; на-прим. запасся святыней мура, нѣкоторыми церковными вещами и т. п. При отъѣздѣ его вел. князь и бояре предложили ему богатые подарки, которыми онъ воспользовался въ Усть-вымѣ для поддержанія и еще большаго распространенія странноприемнаго дома при архангельской церкви.—На обратномъ-то пути святитель и удовлетворилъ своему желанію видѣться съ другомъ своимъ, препод. Сергіемъ. Это свиданіе святыхъ друзей было уже послѣднее: препод. Сергій въ слѣдующемъ году и скончался[3].

Новыя гражданскіе подвиги св. Стефана для пермскаго края.

Когда св. Стефанъ отлучился на соборъ въ Москву и еще не было извѣстно,-будетъ ли къ нему благоволить новый вел. князь: чиновники пермскіе (тіуны [4] и даньщики) по своему стародавнему обычаю начали было допускать въ отдаленномъ краю несправедливости и насилія въ-отношеніи къ пермякамъ. Между тѣмъ возвратился онъ въ Пермь одаренный вел. княземъ. Тогда чиновники снова невольно покорились его вліянію и по дѣламъ общественнымъ. Но вотъ еще новые гражданскіе подвиги его для пермяковъ!

Въ сосѣдствѣ съ пермскими селеніями по рѣкамъ лузѣ и сысолѣ жили вятчане. Вятка, какъ страна или область, существовала уже болѣе 200 лѣтъ[5]: ее осно-

[1] О собор., бывшихъ въ Россіи (С.-Петерб. 1829 года). [2] Полн. собр. лѣтоп. и Никон. лѣтопись [3] 25 сент. 1391 года. [4] *Тіуны*-это были значительныя должностныя лица со властью судебною и распорядительною; въ 16 и 17 вѣкахъ они были помощниками намѣстниковъ того или другого края. [5] Съ 1174 года.

вали новгородскіе выходцы; въ ней уже господствовало христіанство. Доселѣ эти сосѣди были мирными и полезными для пермяковъ. Они покупали въ Перми мѣха, украшали церкви въ тѣхъ пермяцкихъ селеніяхъ, куда пріѣзжали для торговли. Но къ несчастью они сами подверглись нападенію и раззоренію отъ татаръ за-камскихъ. Вмѣсто того чтобъ собраться съ новыми силами и постараться-возстановить свое гражданское положеніе, они бросились на чужое: подошли къ селеніямъ пермскимъ и не просто здѣсь просили себѣ пищи и крова, но стали грабить и убивать. Пермяки, народъ не воинственнный, пришли въ ужасъ. Гдѣ было имъ найдти защиту, какъ только не въ отцѣ-благодѣтелѣ своемъ, св. Стефанѣ? И—вотъ онъ дѣйствительно спѣшитъ помочь беззащитнымъ! Лицомъ къ лицу онъ является къ мятежникамъ. Сначала онъ выражаетъ сожалѣніе къ нимъ самимъ, что раззорены татарами. А за-тѣмъ безъ пощады упрекаетъ ихъ за то, что они дошли до отчаянія, что воздаютъ за чужое зло собственнымъ зломъ тѣмъ людямъ, которые совсѣмъ не были имъ врагами. Даетъ имъ пастырское наставленіе, чтобъ они лучше постарались татаръ-то изгнать изъ своихъ селеній и снова водворились бы у себя. Если они принесутъ раскаяніе въ своемъ мятежѣ, онъ обѣщается и походатайствовать за нихъ предъ великимъ княземъ, т. е.чтобъ они были прощены или же не столь строго наказаны. И—что же? Оружіемъ только слова Божія, а ничѣмъ болѣе, святитель тотчасъ усмирилъ мятежниковъ, мудрымъ же своимъ совѣтомъ расположилъ ихъ къ самозащитѣ противъ татаръ. Получивъ подкрѣпленіе отъ новгородцовъ и устюжанъ, они и пошли въ свои раззоренныя селенія, какъ за-тѣмъ дѣйствительно изгнали отъ себя злыхъ татаръ. Этого мало. Они еще побѣдили нѣсколько татарскихъ городовъ по волгѣ, такъ что возвратились домой со средствами снова повести у себя хозяйство и торговлю. Эта защита свят. Стефаномъ Перми отъ вятчанъ послѣдовала въ 1392 году.

Послѣднею его гражданскою услугою краю было то, что онъ остановилъ отъ злодѣйствъ одного разбойника, по имени Кортъ-айки, который своими разбоями долгое время наводилъ страхъ на всѣхъ пермяковъ.

Св. Стефанъ распространяетъ въ Перми христіанство, строитъ монастыри и богоугодныя заведенія, увеличиваетъ число церквей.

Да; равноапостольный и еще продолжаетъ распространять по Перми евангельскую проповѣдь. Пермь въ его дни была населенною по берегамъ вычегды, выма, сысола, лузы и отдаленныхъ рѣкъ удоры, печоры, камы и чусовой. Въ первой-то половинѣ этихъ селеній считалась *старая Пермь*, а во второй-*великая*. Мы видѣли, какъ онъ обратилъ ко Христу вычегданъ и усть-вымцовъ; какъ его заботами были обращены и обитатели по рѣкамъ сысолѣ и лузѣ, которыя были предѣлами „старой-то Перми“. Простираясь же къ печорѣ, за которою слѣдуетъ и Чердынь (въ нынѣшней пермской губерніи), онъ основалъ Спасскій монастырь въ 165 верстахъ отъ нынѣшняго Усть-сысольска, и еще другой монастырь въ 50 верстахъ отъ того же города по рѣкѣ сысолѣ подъ именемъ „Стефановскаго“ въ честь своего соименнаго святаго, архидіакона Стефана, въ нынѣшнемъ селѣ „вотчѣ“. Слѣдовательно до этихъ же предѣловъ онъ и достигалъ лично съ проповѣдью. Словомъ-мѣстное пространство, которое прошолъ святой первоучитель Перми съ проповѣдью, можно опредѣлить по крайней мѣрѣ на 1000 верстъ, такъ какъ и теперь въ тѣхъ двухъ уѣздахъ (усть-сысольскомъ и яренскомъ) тянется населеніе зырянъ на томъ же пространствѣ. Сооружая на окраинахъ епархіи своей монастыри, онъ избиралъ изъ монашества способныхъ и ревностныхъ для проповѣди отдаленнымъ язычникамъ.

На мѣстѣ Спасскаго монастыря, основаннаго имъ, нынѣ существуетъ „Троицко-Стефано-Ульяновскій монастырь*“. Эти три соединенныя названія, безъ сомнѣнія,

* Въ 1860 году въ этотъ монастырь поступили по приглашенію игуменъ и старшая братія изъ соловецкаго монастыря.

имѣютъ здѣсь свое значеніе. „Троицкимъ“ монастырь названъ въ память „троицкой“ пустыни; пустыня эта отстояла отъ Усть-сысольска въ 100 верстахъ, была основана вѣроятно св. Іоною, четвертымъ епископомъ по св. Стефанѣ; церковь отъ нея нынѣ обращена въ приходскую и находится въ усть-сысольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ печорѣ[1]. Имя „Стефановскаго“ прибавлено къ монастырю въ память „Стефановской“ пустыни, которая (какъ мы сказали) была основана св. Стефаномъ и отъ которой теперь остается только крестъ съ часовнею (собственность вотчинской церкви). Наконецъ „Ульяновскимъ“ названъ монастырь по церкви въ немъ во имя св. мучен. Ульяніи[2]. Посвященіе же церкви этой мученицѣ возникло въ воспоминаніе объ одной дѣвицѣ, которая носила имя ея и отличалась благочестіемъ: но (какъ гласитъ преданіе) утонула въ вычегдѣ и была выброшена волнами на берегъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и существуетъ теперь монастырь[3].

Кромѣ того по преданію св. Стефанъ соорудилъ монастырь архангельскій тамъ, гдѣ нынѣ находится приходская церковь въ г. Яренскѣ[4]. При немъ же основалась пустынь „цылибинская“ въ 28 верстахъ отъ Яренска. Цѣлью послѣдней было то, чтобъ въ ней имѣли пріютъ тѣ изъ зырянъ, которыхъ св. Стефанъ посылалъ для утвержденія въ вѣрѣ новокрещоныхъ по рѣкѣ вычегдѣ[5]. Игумнами всѣхъ этихъ четырехъ монастырей были ученики и сотрудники св. первоучителя. Увеличивать число церквей и приходовъ съ тѣмъ, чтобъ и дать христіанское воспитаніе новорожденнымъ во Христѣ, св. Стефанъ находилъ теперь вполнѣ возможнымъ; потому что довольно уже числилось между зырянами готовыхъ подъ его руководствомъ и проповѣдывать и быть священниками. И такъ онъ „церкви

[1] Ист. рос. іерар. т. V. [2] Пам. 21 декабря. [3] Состоя въ вологодской епархіи, монастырь этотъ находится отъ Вологды въ 1045 верстахъ. [4] Вологод. губерн. вѣд. 1850 г. № 9. [5] Именно основателемъ ея былъ препод. Димитрій (русскіе свят. Филар. черниг. подъ 26 апр.).

ставляше имъ и свящаше; и монастыри наряжаше имъ..., постригаше и игумны имъ устрояше и священники и діаконы самъ поставляше. И попове его пермскимъ языкомъ служаху..., пермскою рѣчью пояху[1]".

Первоучитель Перми и еще разъ обозрѣлъ свою паству. При этомъ онъ былъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ ея (на веньденгѣ и вишерѣ). Вездѣ онъ проповѣдывалъ о Христѣ, училъ богобоязненной жизни, умиротворялъ враждующихъ, предлагалъ утѣшеніе и благодѣтельствовалъ бѣднымъ. Доброта его души всюду располагала къ нему народъ и привлекала креститься тѣхъ, которые еще не были крещоными. Радъ онъ былъ видѣть обращеніе новыхъ язычниковъ, но и утѣшался благочестивою жизнью давно обратившихся; такъ наприм. препод. Димитрій, постриженный имъ въ инока и рукоположенный въ іеромонаха, велъ столь строгую жизнь, что только-лишь для церковной службы, да еще для проповѣди въ окрестныхъ селеніяхъ, выходилъ изъ своей пещоры подъ церковью, что и все время свое проводилъ въ постѣ и молитвѣ.

VII.

Послѣднее время въ жизни св. Стефана.

Св. Стефанъ, снова приглашаемый въ Москву по обще-церковнымъ дѣламъ, созываетъ въ Усть-вымъ избранныхъ изъ зырянъ для прощанья съ ними и оставляетъ Пермь.

Первоучитель и епископъ Перми превосходилъ всѣхъ современныхъ ему епископовъ своимъ умомъ, образованіемъ и пастырскою опытностью. А его апостольскіе труды, доброта души и святость жизни невольно привлекали къ нему чувства почтенія и любви со стороны всѣхъ. Одни только тѣ, которые *любве истины не пріяша..., но благоволившіи въ неправдѣ*[2], т. е. которымъ вездѣ пріятнѣе ложь, чѣмъ истина, не умѣли или не

[1] Пам. старин. р. литер. [2] 2 солун. 2, 10. 12.

хотѣли цѣнить его и даже унижали. Что же до высшихъ лицъ, какъ великіе князья и митрополиты московскіе, то послѣдніе подавали и другимъ примѣръ уважать его. Въ-особенности митрополитъ Кипріанъ, самъ любившій ученыя занятія на пользу Церкви, питалъ къ нему любовь и уваженіе („бѣ бо ему любимъ зѣло"), такъ что впервыхъ желалъ его видѣть участникомъ каждаго церковнаго *собора* по дѣламъ всей русской церкви. Къ тому времени, о которомъ мы ведемъ рѣчь (именно въ 1396 году), этотъ ученый и попечительный по московской митрополіи архипастырь приготовилъ для разсмотрѣнія немало своихъ писательскихъ трудовъ и для рѣшенія нѣсколько церковныхъ вопросовъ; наприм. онъ перевелъ съ греческаго языка канонъ о побѣдѣ надъ врагами[1], повторилъ переводъ служебника, составилъ списки многихъ церковныхъ чинопослѣдованій (для крещенія, брака, обряда православія), имѣлъ въ виду вопросы о чтеніи евангелій въ великій четвертокъ[2], о пощеніи въ день усѣкновенія главы Крестителя и въ праздникъ воздвиженія креста[3] и т. д. Послѣ совѣта съ вел. княземъ онъ и опредѣлилъ пригласить вчислѣ другихъ лицъ для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ епископа пермскаго, сколь ни далекъ былъ путь отъ Перми до Москвы. И такъ пришло къ св. Стефану почтительное приглашеніе. Но подъемъ и дорога въ Москву теперь опечалили его. Почему же? Его ученые труды и монашескіе подвиги еще въ Ростовѣ, его дальнія путешествія для проповѣди въ странѣ пермской и среди этихъ путешествій всевозможныя неудобства и нужды, его многолѣтнее непрерывное упражненіе въ проповѣди слова Божія, его встрѣчи со смертью лицомъ къ лицу нѣсколько разъ, его постоянныя заботы о новопросвѣщонныхъ,—все это сильно отразилось на его здоровьѣ и рановременно его состарило: не имѣя еще отъ роду и 60 лѣтъ, онъ весь покрылся сѣдинами. Тѣ-

[1] Обзоръ пѣснописц. Филар. черниг. [2] Ист. р. ц. митроп. Макарія т. IV, стр. 271. 279 и 280. [3] Тамъ же стр. 265.

лесныя силы его столько ослабѣли, что онъ и безъ того предчувствовалъ близкую свою кончину. А теперь еще онъ долженъ былъ понести труднѣйшій путь. Въ минуты думы о кончинѣ своей онъ и получилъ отъ самого Господа внушеніе, что болѣе не возвратится въ Пермь.

Покорился праведникъ волѣ Божіей, и только желалъ еще увидѣть по-возможности всѣхъ избранныхъ овецъ и сотрудниковъ своихъ. Самъ путешествовать для этого свиданія онъ уже не имѣлъ времени и силъ. Поэтому просилъ собраться къ нему. И—вотъ когда собрались къ нему всѣ, кто только могъ: онъ объявилъ, что снова приглашается въ Москву по церковнымъ дѣламъ и что бесѣдуетъ со своею паствою въ послѣдній разъ! Долго онъ бесѣдовалъ, внушая зырянамъ, чтобъ они еще болѣе изучали св. вѣру и твердо держались ея, чтобъ жили во взаимной братской любви и повиновались своимъ пастырямъ церковнымъ. За-тѣмъ предъизвѣстилъ всѣхъ о послѣдней своей литургіи, послѣ которой и отправится изъ Усть-выма. Съ глубокими вздохами и тихими слезами разошлись съ этой бесѣды зыряне.

Наступилъ и роковой день разлуки... Послышался на каѳедральной благовѣщенской церкви колокольный звонъ къ литургіи и за-тѣмъ прощанью. Какъ молитвою св. Стефанъ началъ свою евангельскую проповѣдь (въ с. Котласѣ): такъ молитвою же теперь оканчиваетъ ее. Совершивъ литургію, онъ преклонилъ колѣна и вслухъ всѣхъ умолялъ пресвятую Богородицу быть заступницей пермской страны, вручалъ своихъ овецъ промыслу Божію. За-тѣмъ онъ обратился къ народу и, видя всѣхъ въ глубокой печали и со слезами на глазахъ, совѣтовалъ умѣрить печаль. Наконецъ поднялъ свои труженическія святительскія руки, чтобъ благословить собраніе. Всѣ, которые были въ церкви и за церковью, преклонились предъ его послѣднимъ благословеніемъ, которое вполнѣ имѣло силу отеческаго благословенія. Благословляющія его руки не опускались до самаго входа его въ экипажъ. Зыряне стремились поцѣловать хоть одежду его,

хоть его ноги или то мѣсто, по которому онъ только-что прошолъ. Изъ благоговѣнія къ его благословенію большая часть и сдерживались отъ громкаго плача. Дойдя же до повозки, неоцѣненный отецъ народа въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на благовѣщенскую церковь, первое свое церковное строеніе въ Перми, окинулъ взоромъ прочія двѣ церкви, взглянулъ на тотъ холмъ, съ котораго любилъ проповѣдывать, и—слезы обильнымъ потокомъ полились у него самого. Тогда уже всѣ громко зарыдали, какъ плачутъ только по умершемъ. Святитель поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ: больно было его сердцу видѣть рыдающій народъ, и онъ велѣлъ погонять лошадей. Тысячи бросились по снѣжной дорогѣ провожать его, одни-ѣхали, другіе-бѣжали. Но когда уже и скрылся изъ виду экипажъ отца-благодѣтеля, не видно также стало повозокъ его сопутниковъ въ Москву: и тутъ еще многіе долго-долго стояли, смотря въ даль... Столь же трогательное, но уже короче каждый разъ, было прощанье для святителя по дорогѣ, гдѣ жили новопросвѣщонные и гдѣ нельзя было ему не остановиться.

Болѣнье и кончина св. Стефана въ Москвѣ.

Дѣйствительно, длиный и по тогдашнему времени самый затруднительный путь изъ Перми въ Москву еще болѣе изнурилъ св. Стефана и приблизилъ его къ кончинѣ. Вначалѣ 1396 года онъ отправился изъ Устьвыма и поспѣлъ въ Москву только-лишь къ пасхѣ, которая въ тотъ годъ была 2 апрѣля. Онъ остановился по-прежнему въ монастырѣ Спаса-преображенія на царскомъ дворѣ.

Монастырь этотъ не за-долго лишь до его рожденія сталъ существовать (всего за 10 лѣтъ). Первоначально въ царскомъ дворѣ (кремль) стояла дубовая церковь въ память того же славнаго событія въ жизни Христа-спасителя. Сюда (т. е. въ самый городъ) великій князь Іоаннъ калита* разсудилъ перенести „Даниловъ“ монастырь, ко-

* Именно въ 1330 году.

торый находился за городомъ и которому послѣ этого выпалъ жребій быть только приписнымъ (теперь же онъ существуетъ самостоятельно[1]). Князь Калита замѣнилъ дубовую церковь каменною, которая уже и была при св. Стефанѣ. Спасо-преображенскій монастырь служилъ къ развитію въ Москвѣ иноческой жизни и отличался еще тѣмъ, что въ немъ предъ своею смертію принимали постриженіе и схиму нѣкоторые изъ князей и княгинь: при немъ было кладбище для княжескихъ лицъ (до сооруженія архангельскаго собора и вознесенскаго монастыря). Здѣсь-то имѣли пристанище епископы, которые принадлежали къ митрополіи московской и пріѣзжали въ Москву по дѣламъ церковнымъ[2].

Вскорѣ же послѣ своего пріѣзда святитель Стефанъ заболѣлъ легкимъ недугомъ. Послѣ немногихъ дней болѣнья онъ и почувствовалъ, что болѣзнь его не пройдетъ, но окончится смертію. Всѣ—и митрополитъ и бояре и самъ вел. князь—спѣшили посѣтить больнаго. Онъ принималъ всѣхъ перемогаясь. Но сочувствіе его, но заботы и любовь его болѣе всего были обращены къ тѣмъ, для блага и спасенія которыхъ онъ пожертвовалъ почти всѣми годами своей жизни. Теперь онъ видѣлъ этихъ людей только вчислѣ трехъ-пяти лицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ прибыли изъ Усть-вымa. Ими-то онъ и окружалъ себя предъ самою кончиною. Напомнивъ имъ всѣ свои труды, которые онъ понесъ для края ихъ, между прочимъ этими-то трудами убѣждалъ ихъ твердо держаться святаго православія. Но приведемъ и подробнѣе прощальную рѣчь его, которой уже не прерывали теперь многочисленные плачущіе голоса: „Братія, выслушайте, что скажу вамъ! Вотъ я отпускаю васъ назадъ въ землю пермскую. Скажите новокрещонымъ пермякамъ, всѣмъ ближнимъ и дальнимъ,-скажите имъ все, что слышали и видѣли здѣсь. Послѣднее слово хо-

[1] Между даниловскою и серпуховскою заставами. [2] Со-временемъ, когда стали возникать въ кремлѣ новыя зданія, и Спасо-преображенскій монастырь здѣсь замѣненъ совершенно новымъ, опять же за городомъ, подъ именемъ монастыря «ново-Спасскаго», который существуетъ до-нынѣ. На мѣстѣ его и осталась одна только церковь, переименованная «Спасскимъ соборомъ».

чу сказать: „пришолъ мой день и часъ смертный“. Скажите же отъ меня людямъ, что я иду туда, куда пошли отцы мои и куда всѣ пойдутъ... Вы знаете, братія, сколько скорби, сколько томленія, перенесъ я въ землѣ пермской и сколько потерпѣлъ въ странѣ вашей, утверждая вѣру; сколько я заботился о васъ, какъ день и ночь молился за васъ Богу. Теперь вы приняли крещеніе. Предаю васъ Богу и благодати Его. Слушайтесь святаго евангелія. Если послѣ моей смерти прійдетъ къ вамъ еретикъ или идолослужитель или придерживающійся раскола церковнаго или волхвъ или кудесникъ: не принимайте ихъ и не имѣйте съ ними общенія, хоть бы и мудръ кто былъ. Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь“.

Со святителемъ были привезены архіерейское облаченіе, нѣкоторыя его собственныя одежды и книги. Въ Москвѣ никто не нуждался въ этихъ вещахъ, и— онъ велѣлъ увезти ихъ въ Пермь. За-тѣмъ умирающій пріобщился святыхъ таинъ. Послѣ пріобщенія же одному изъ своихъ священниковъ велѣлъ покадить въ его комнатѣ, а другому-читать канонъ на исходъ его души. Со слезами молились за него добрыя души, просвѣщонныя имъ. Молился онъ и самъ за себя. И—вотъ среди молитвы-то чистая душа его отошла ко Господу! Предъ самыми послѣдними вздохами своими онъ протянулъ на постелѣ ноги, готовыя всегда пойдти на проповѣдь: теперь же ими, послѣ многочисленныхъ апостольскихъ странствій, онъ вступалъ въ жизнь вѣчную.

Дѣйствительно, святитель умиралъ съ такимъ же спокойствіемъ духа и упованіемъ на Бога, какъ бываетъ веселъ и какъ благословляетъ промыслъ Божій странникъ, который закончилъ свое путешествіе и во время дальняго пути ничего ни утратилъ изъ того, что было дано ему, на-противъ обогатилъ себя многими вещами, и—вотъ все это къ утѣшенію своему имѣетъ предъ глазами своими. Какъ могла быть для Стефана страшною смерть, когда онъ много разъ рѣшался на нее для обращенія ко Христу пермяковъ,-когда и обративъ ихъ *по вся дни умиралъ** за нихъ заботами и страхами!

* 1 Кор. 15, 31.

Именно онъ умеръ 26 апрѣля (въ 1396 году), вечерней порой, въ день преполовенія, 57 лѣтъ отъ роду, на 14 году своего архіерейства и послѣ 18-лѣтней проповѣди пермякамъ. На погребеніе его собрались нѣсколько епископовъ, духовенство, народъ, бояре и вел. князь. Онъ былъ погребенъ тутъ же въ монастырѣ преображенскомъ, на лѣвой сторонѣ Спасской церкви.

Если митрополитъ Кипріанъ и успѣлъ воспользоваться его мудрыми совѣтами по церковнымъ вопросамъ, то немного. Послѣ погребенія его митрополитъ тотчасъ же отправился въ Смоленскъ (вмѣстѣ съ вел. княземъ), а изъ Смоленска направилъ путь свой въ Кіевъ. Какъ-бы не желая вскорѣ возвратиться въ Москву, гдѣ похоронилъ любимаго и почитаемаго первоучителя пермскаго, онъ пробылъ въ Кіевѣ ровно полтора года[1]. Умеръ же самъ послѣ св. Стефана болѣе чѣмъ черезъ 10 лѣтъ[2].

Плачъ Перми по св. Стефанѣ.

Вѣсть о кончинѣ святителя привезли въ Пермь его сопутники до Москвы. Быстро собрался народъ какъ съ Усть-выма такъ и изъ окрестныхъ мѣстъ, чтобъ услышать отъ очевидцовъ о послѣднихъ дняхъ его жизни и о самомъ послѣднемъ его завѣщаніи, и чтобъ хоть посмотрѣть на тѣ ризы, книги и вещи его, которыя привезены обратно и долженствовали быть достояніемъ архангельскаго монастыря. Живо припомнились теперь всѣ благодѣянія св. богопроповѣдника и епископа. И —вотъ поднялся по немъ плачъ во всей землѣ пермской! На за-упокойныхъ службахъ по немъ пѣніе сливалось съ рыданіями и возгласы священниковъ уже прерывались отъ слезъ ихъ. Не плакали только одни закоренѣлые кудесники, которымъ (какъ думали они) теперь-то будетъ воля распространять свои суевѣрія и преслѣдовать новокрещоныхъ[3]. Пермяки считали свою поте-

[1] Именно возвратился въ Москву 7 окт. 1397 г. [2] Полн. собр. русск. лѣтописей и Никон. лѣтоп. [3] Послѣдняя надпись на посохѣ св. Стефана гласитъ: «они-невѣрніи возрадовались о смерти его».

рю рѣшительно не возвратимою. Они разсуждали въ такомъ родѣ: „кто теряетъ золото или серебро, тотъ трудами и временемъ можетъ снова пріобрѣсти себѣ то и другое. А мы другого такого благодѣтеля, каковъ былъ Стефанъ, нашъ просвѣтитель и святитель, уже не найдемъ". Плакали пермяки не о смерти только его, но еще и о томъ, что онъ скончался не у нихъ, что не они погребли его и что не удостоились хранить его мощи. „Москвичи (снова разсуждали они) не воздадутъ такой чести умершему, какую воздали бы мы. Можно ли ожидать достойнаго почтенія нашему отцу и благодѣтелю по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ изъ нихъ, которые судили его за изобрѣтеніе для насъ грамоты и унижали его прозвищомъ „Храпъ? О, за-чѣмъ же мы отпускали тебя, отецъ нашъ, въ Москву, гдѣ почилъ ты...? Если-бъ твой гробъ находился въ землѣ нашей...: тогда... мы, какъ къ живому, приходили бы къ тебѣ...".

Вещественные памятники послѣ свят. Стефана.

При ракѣ святителя съ перваго раза оставался его посохъ,-одна только изъ всѣхъ вещей его, которая не была уступлена Москвою Усть-выму. Но когда поляки заняли Москву (именно въ 1612 году) и гетманъ Ходкевичъ замѣтилъ эту достопамятность, то рѣшился завладѣть ею вчислѣ другихъ замѣчательныхъ вещей. Однако-жъ военачальникъ не оставилъ у себя посоха, но подарилъ его супральскому монастырю (въ литовской епархіи). За-тѣмъ, болѣе чѣмъ черезъ 200 лѣтъ, посохъ сдѣлался достояніемъ пермскаго каѳедральнаго собора, гдѣ и хранится до-нынѣ (именно съ 1849 года*). Костяная рѣзьба на немъ сдѣлана уже послѣ Стефана: но самая палка (деревянная, изъ лиственницы, длиною-

* Посохъ присланъ въ (нынѣшнюю) Пермь по указу св. Синода: онъ находится у громадной заклиросной иконы св. Стефана въ холодномъ придѣлѣ каѳедральнаго собора. Достался онъ Перми стараніями бывшаго здѣсь губерн. лѣсничаго, Далматова, съ которымъ я лично былъ знакомъ. *Авт.*

около 2 аршинъ), несомнѣнно, принадлежитъ святителю.

Вещами послѣ святителя признаются также: полотняная его риза (въ сольвычегодской благовѣщенской церкви), святцы на деревѣ (въ русскомъ археологическомъ обществѣ) и кромѣ чердынской иконы Николая чудотворца, о которой мы уже сказали, еще двѣ иконы: *пресв. Троицы и нерукотвореннаго Спаса.* Икона *Троицы* хранится въ одной изъ церквей въ яренскомъ уѣздѣ[1]. Подъ ней зырянская надпись, которую тщательно изслѣдовалъ одинъ изъ ученыхъ почитателей св. Стефана[2]. Она (какъ есть сказаніе) приложена церкви самимъ святителемъ, когда святитель въ послѣдній разъ путешествовалъ въ Москву[3]. Нѣкоторые знатные изъ мірянъ по три раза уносили ее въ другую церковь на противоположномъ берегу рѣки вычегды: но она опять являлась на прежнемъ мѣстѣ. Теперь она хранится въ вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ.—*Нерукотворенный образъ* (въ большомъ размѣрѣ) также находится въ одной изъ зырянскихъ волостей (въ иртовской церкви[4]): по преданію онъ также приложенъ церкви св. Стефаномъ и извѣстенъ чудотвореніями.

Дѣломъ рукъ самого Стефана признается часовенный деревянный крестъ въ с. виньдегѣ[5]. Крестъ пережилъ уже нѣсколько часовень, которыя то сгорали то сами собой разрушались: до него разрушеніе не коснулось доселѣ[6].

---

[1] Село вожма въ 30 верст. отъ Яренска внизъ по вычегдѣ. [2] П. Д. Шестаковъ (бывшій попечитель казан. учебнаго округа), который и надѣлилъ меня своею брошюрою по этой надписи. *Авт.* [3] Вѣст. Европ. М. 1814 г. [4] Въ 17 верст. отъ Яренска. Въ ульяновскомъ монастырѣ, о которомъ мы сказали раньше, также признается чудотворнымъ нерукотворенный образъ Спаса. Одни называютъ этотъ образъ «явленнымъ», а другіе «прикладнымъ» отъ св. Стефана при постройкѣ монастыря и храма. [5] Также въ ярен. уѣздѣ. [6] По народному преданію *кедръ*, который стоитъ теперь въ оградѣ архангельской церкви (въ с. *усть-вымь*), посаженъ руками св. Стефана.—Въ той же оградѣ существуетъ часовня (*каменная*) во имя свят. святителя. Въ часовнѣ этой

За-тѣмъ уже послѣ своей смерти и въ самый годъ ея св. Стефанъ чудесно утѣшилъ новокрещонцовъ въ одной изъ деревень по рѣкѣ вишерѣ иконою Божіей Матери. Въ этой деревнѣ поселились кудесники, которые оставались усердными почитателями Памы и которымъ послѣ изгнанія изъ Перми главнѣйшаго ихъ волхва не хотѣлось жить близь Усть-выма. Св. Стефаномъ не была забыта и эта деревня. Онъ посѣщалъ ее съ цѣлью просвѣщенія христіанствомъ. Только бѣглецы отъ его проповѣди и тутъ твердо стояли за своихъ идоловъ. Немногіе лишь изъ вишерцовъ крестились. За то всѣ крестившіеся оставались вѣрными свят. православію. Такъ какъ ихъ было немного, то они построили себѣ одну часовню, и—то лишь небольшую. Однажды они выходили изъ часовни послѣ утренней молитвы, и—вдругъ ихъ глазамъ представляется лодка, которая пловетъ противъ теченія воды, безъ всякаго сѣдока и управителя. Въ то же время на противоположномъ берегу они видятъ сѣдаго старца, который внушаетъ имъ принять лодку и чествовать то, что она принесетъ имъ. Лодка остановилась, и—тотчасъ же не стало старца на другомъ берегу. Подошли вишерцы къ лодкѣ, и—что же находятъ въ ней? Образъ Божіей Матери, предъ которымъ еще теплилась свѣча. Въ старцѣ они несомнѣнно признали св. Стефана. Образъ съ радостью перенесли въ свою часовню, на мѣстѣ которой вскорѣ и построили церковь. Отъ образа послѣдовали чудеса. Этими-то чудесами привлечены были къ вѣрѣ и тѣ, которые противились проповѣди равно-апостольнаго*.

(возлѣ церковь), конечно, не было бы надобности. Ясное дѣло, что она построена тамъ, гдѣ была хижинка (келлія) св. Стефана вблизи «прокудливой березы» на мѣстѣ которой равно-апостольный построилъ церковь во имя архангела Михаила, да существуетъ и нынѣ архангельская церковь (см. въ этой книгѣ стран. 53, а также 33—37).

* Вологод. вѣдом. 1850 г. № II.

Нѣкоторые думали найдти въ наши дни подлинный почеркъ руки св. Стефана, именно-на антиминсѣ въ одной изъ церквей въ Курляндіи. Это извѣстная свято-Духовская церковь въ городѣ Якобштадтѣ[1]. Только находка ихъ воображаемая. Одинъ изъ трехъ антиминсовъ по числу трехъ придѣловъ въ якобштадтской церкви, дѣйствительно, былъ освященъ и подписанъ епископомъ великопермскимъ, но не Стефаномъ, а Діонисіемъ, и въ тѣ годы, безъ сомнѣнія, когда жилъ св. Стефанъ, а чрезъ 300 лѣтъ послѣ него, именно-въ 1703 году[2]. Діонисій-то (это вѣрно) началъ свое епископское служеніе съ 1700 года, когда епископы великопермскіе назывались вятскими и изъ Вятки управляли нынѣшними пермскими церквами[3]. Ясное дѣло, что антиминсъ для якобштадтской церкви былъ полученъ не изъ Усть-вымa или Вологды или Вятки, а изъ Москвы,- въ то время, когда южная митрополія зависѣла отъ патріарха московскаго. За-чѣмъ же (спрашивается) тутъ подпись Діонисія? Діонисій, архіепископъ вятскій и великопермскій, находился въ Москвѣ по дѣламъ церковнымъ, и—во время-то бытности своей тамъ освятилъ антиминсъ.

Что же до самаго многотруднаго тѣла св. Стефана, то мощи его и доселѣ почиваютъ (подъ спудомъ) въ той Спасской церкви, которая переименована въ соборъ Спаса-преображенія и находится въ московскомъ кремлѣ за стѣнами дворца. (Церковь эта болѣе извѣстна теперь подъ названіемъ „Спасъ на бору“. Настоящее названіе ея произошло оттого, что прежде всего на

---

[1] Рижскій вѣстн. 1878 г. 22 сент., № 213, замѣтка отъ И. Ж. Эту замѣтку перепечатали въ томъ же году «церковно-общест. вѣст.» (№ 121 стр. 6) и «церковный вѣстникъ»(№ 43 стр. 18).[2] Изслѣд. въ томъ же рижск. вѣстникѣ (недавно умершаго) протоіерея г. Якобштадта, Николая Василева, напечатанное всего чрезъ два мѣсяца послѣ замѣтки (отъ 24 нояб. 1878 г. № 267). Копію со своей статьи о. протоіерей и сообщилъ мнѣ при письмѣ отъ 22 окт. въ слѣдующемъ за-тѣмъ (1879) году. *Авт.* [3] Смот. книгу мою: «Великопермская и перм. епархія», изд. 1879 года, стр. 20-26. *Авт.*

мѣстѣ ея былъ *лѣсистый боръ* и на холмикѣ тутъ жилъ одинъ отшельникъ, по имени Букала. Древни и всѣ прочія церкви въ кремлѣ московскомъ. Но церковь „Спаса на бору“ въ-особенности сохранила свою первобытную простоту. Изъ трехъ придѣловъ ея въ-рядъ одинъ и посвящонъ имени святителя Стефана. Рака или гробница его—по-верхъ пола—помѣщается противъ придѣла въ сѣверномъ углу.) Есть однако преданіе, что мощи святаго святителя лежали открытыми въ томъ же самомъ храмѣ и на томъ же именно мѣстѣ, которое за-долго еще до его рожденія было извѣстно всѣмъ, какъ бывшее покоище для мощей князя тверскаго Михаила, перевезенныхъ въ Тверь. Но когда постигло Москву нашествіе поляковъ, то по чувству благоговѣнія потребовалось скрыть его мощи.

Величіе св. Стефана.

Первымъ жизнеописателемъ его былъ извѣстный сожитель и собесѣдникъ его въ ростовскомъ Григорьевскомъ монастырѣ, Епифаній, прозванный за свое образованіе и начитанность „премудрымъ“. Послѣ того какъ св. Стефанъ оставилъ Ростовъ, Епифаній въ томъ же самомъ году (т. е. въ 1379) перешолъ въ обитель[1] препод. Сергія. (Здѣсь онъ сначала былъ діакономъ, а потомъ—именно послѣ смерти препод. Сергія—священникомъ, и по особому избранію духовникомъ всей братіи. Есть основаніе думать[2], что онъ и путешествовалъ на аѳонъ, въ Константинополь и Іерусалимъ, слѣдовательно пріобрѣлъ уже опытность правильно оцѣнивать характеръ и жизнь великихъ людей.) Такимъ образомъ Епифаній каждый разъ могъ видѣться со Стефаномъ, когда Стефанъ посѣщалъ по пути обитель Сергія, и лично отъ него самого могъ узнавать о пермскихъ под-

[1] Онъ и значится уже вчислѣ *учениковъ*, а не съ первыми 12 сподвижниками препод. Сергія (церковно-историч. мѣсяцословъ Троиц. лавры). [2] Душепол. чт. 1885 г., ч. 2, стр. 129.

вигахъ его. Что же до самыхъ послѣднихъ дней святителя (на послѣднемъ своемъ пути въ Москву, когда уже и не было въ живыхъ препод. Сергія, Стефанъ безъ сомнѣнія мимо проѣхалъ обитель Сергіеву): то эти дни могли быть извѣстны Епифанію оть тѣхъ зырянъ, которые въ послѣдній разъ сопутствовали въ Москву своему отцу-благодѣтелю. Тѣ же самые зыряне, конечно, сообщили жизнеописателю и о „плачѣ земли пермской“. И—вотъ въ самый же годъ смерти св. Стефана жизнеописатель составилъ объ немъ свою рукопись[1]. Въ этой-то рукописи всюду изображается первоучитель Перми мудрымъ и святымъ.—За-тѣмъ еще блаженный митрополитъ Фотій, заступившій въ Москвѣ мѣсто митрополита Кипріана, называлъ Стефана „человѣкомъ Божіимъ и великимъ святителемъ[2]“. (Фотій прибылъ въ Россію изъ Греціи[3], слѣдовательно зналъ Стефана только по преданіямъ. Но лицо, котораго касались преданія, казалось столько высокимъ, что Фотій старался познакомиться со св. Стефаномъ хоть по этимъ преданіямъ и благоговѣлъ къ его памяти.)—Митрополитъ же Симеонъ (такъ-же въ Москвѣ и болѣе чѣмъ чрезъ столѣтіе послѣ св. Стефана) писалъ въ посланіи къ пермякамъ: „молитвы святыхъ великихъ чудотворцовъ-Петра, Алексѣя, Леонтія и Стефана епископа пермскаго да будутъ съ вами[4]“! А еще чрезъ столѣтіе (въ 1601 году) въ Верхотурье (городъ, который доселѣ принадлежалъ пермской епархіи) былъ посланъ изъ Москвы при царской грамотѣ „образъ Стефана пермскаго чудотворца“. Служба св. Стефану составлена (сербомъ Пахоміемъ) въ XV вѣкѣ (1472 годъ). Наконецъ, право-

---

[1] На-противъ жизнь препод. Сергія тотъ же біографъ составлялъ болѣе чѣмъ 20 лѣтъ. Почему же столь медленно? Подвиги Сергія были и сокровенными, тогда какъ жизнь св. Стефана (особенно на проповѣди) видѣли всѣ, а въ Ростовѣ впродолженіе 13 лѣтъ былъ постояннымъ очевидцомъ ея жизнеописатель. [2] Въ одномъ изъ своихъ словъ, которыхъ онъ оставилъ послѣ себя немало. [3] Въ 1409 г. [4] Русскіе святые Филар. черниг. подъ 26 апр.

славная Церковь въ XVII вѣкѣ причислила его къ лику святыхъ и опредѣлила праздновать ему въ день *кончины его (26* апрѣля*)*.

Около 500 лѣтъ исполняется, какъ св. Стефанъ жилъ на свѣтѣ. Но *въ память вѣчную*, а не только въ 500-лѣтнюю или 1000-лѣтнюю, будетъ онъ жить въ россійской и во всей православной Церкви, какъ *праведникъ*[1], какъ просвѣтитель и первосвятитель пермскаго края. Его живо и свято помнятъ не только всѣ въ епархіяхъ вологодской и нынѣшней пермской, но знаютъ въ смыслѣ пастыря, который „добрымъ изволеніемъ своимъ самъ не ищущимъ (его) обрѣлся[2]“ и неоднократно готовъ былъ положить за Христа свою душу,—знаютъ многіе, очень многіе вообще изъ православныхъ-русскихъ, какъ незнакомы съ жизнью другихъ святыхъ. Каждый, кто впервые *услышитъ про* жизнь и подвиги *Стефана пермскаго*, такъ весь и отдается ему чувствами своей любви и почитанія.—Невольно влекутъ къ себѣ сердца всѣхъ первоучители славянскіе, Кириллъ и Меѳодій, если ясно будутъ изображены ихъ апостольскіе подвиги.—Такъ (повторяемъ) и живо воспроизведенная жизнь св. Стефана пермскаго, который по своей ревности и апостольскимъ трудамъ будто былъ роднымъ братомъ этой святой двоицѣ, невольно плѣняетъ сердце каждаго. Особенно же личная его святость и апостольская дѣятельность оставили

[1] Пс. 111, 16. [2] Конд. при кан. и акаѳ. св. Стефану.

послѣ себя глубокіе слѣды въ вологодской епархіи. Откуда это видно? Епархія вологодская по-преимуществу красуется въ Россіи св. мощами, обиліемъ монастырей, благолѣпіемъ церквей и набожностью жителей, особенно въ зырянскихъ-то селеніяхъ. На-прим. и мощей (хоть подъ спудомъ) въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ проповѣдывалъ св. Стефанъ, считается теперь около десяти, а святыхъ воспоминаемыхъ и еще больше[1]; церквей въ тѣхъ же мѣстахъ извѣстно до 150[2]; зыряне отличаются усердіемъ къ службамъ церковнымъ (по старому обычаю мужчины у нихъ въ церквахъ становятся на правой сторонѣ, а женщины на лѣвой), а также гостепріимствомъ и честностью: честность ихъ даже столь велика, что еще не очень давно они стали охранять свое имущество желѣзными запорами.

Прислушиваясь со вниманіемъ къ разсказамъ и въ наши дни лицъ, которыя съ особенною вѣрою прибѣгаютъ къ молитвенному покровительству св. Стефана, на-прим. гдѣ ему сооружены или храмъ или часовня[3] или икона отъ гробницы его,—мы убѣждаемся, что онъ скоро пріемлетъ и выполняетъ по волѣ Божіей молитвы всѣхъ, не только застигнутыхъ болѣзнями, но и ожидающихъ отъ него помощи въ самыхъ житейскихъ нуждахъ (на-прим. въ потеряхъ вещей, въ пріисканіи себѣ мѣста-должности, въ неуспѣхахъ по ученью, въ супружескомъ несогласіи и т. д.). Эти примѣры—не сильное

---

[1] Истор. сказ. свящ. Вѣрюж. [2] Т. е. въ трехъ уѣздахъ волог. губ.: сольвычегодскомъ, усть-сысольскомъ и яренскомъ. (Но проповѣдь св. Стефана отчасти касалась и мезенскаго уѣзда (въ арханг. губ.), гдѣ теперь 35 церквей.) Монастырей же числится по одному въ гг. Сольвычегодскѣ и Усть-сысольскѣ. [3] Въ Перми не только выполнены молебны и крестные ходы повсюду въ память 500-лѣтія выхода на проповѣдь св. Стефана пермскаго (снес. въ этой книгѣ стран. 59), но и за-тѣмъ положено основаніе для особаго памятника ему по тому же случаю, какъ и сооружонъ теперь этотъ памятникъ. (См. книжку нашу: «Памятникъ св. Стефану великопермскому въ Перми—часовня и образа въ ней отъ святыхъ мощей», изд. 1882 года.)

ли также доказательство его высокихъ заслугъ предъ Богомъ и особенной близости его къ Богу?

Но со всею любовью почитая память святителя великопермскаго, въ чувствѣ той же благоговѣйной любви взаключеніе всего вспомнимъ заповѣдь слова Божія: *хвалите Бога во святыхъ Его*!*

* Пс. 150, 1.

Опечатки:

Напечатано:	На страницѣ.	Въ строкѣ.	Слѣдуетъ читать:
знакомые	16	послѣд.	знакомы
Стефакъ	38	сн. 7	Стефанъ
только двѣ-то первыя	53	послѣд.	всѣ тѣ же *три*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Жизнь св. Стефана пермскаго въ г. Устюгѣ.

Страницы.

Рожденіе его 5
Обученіе и воспитаніе. 8
Святые обѣты 10

II.

Жизнь и подвиги его въ Ростовѣ.

Монашеское пострижение въ Григорье-богословскомъ монастырѣ 12
Посвященіе въ санъ діакона и за-тѣмъ священника. 14
Тринадцатилѣтнее приготовленіе къ проповѣди пермякамъ 16

III.

Выходъ его на проповѣдь.

Бытность въ Москвѣ, гдѣ епископъ Герасимъ благословилъ его на дѣло апостольское, а великій князь надѣлилъ охранною грамотою, и путь его къ Перми чрезъ Вологду и Устюгъ. 20
Мѣстность, религія и характеръ пермяковъ во дни его 22

IV.

Пятилѣтняя проповѣдь св. Стефана въ Перми въ санѣ священника.

Первая его проповѣдь въ селѣ «Котласъ» 26
Проповѣдь по пути къ Гаму и въ самомъ этомъ селеніи 28
Проповѣдь въ Усть-вымѣ и уничтоженіе тамъ обоготворяемой березы 33
Первая церковь, которую онъ построилъ въ новопросвѣщенной странѣ, и училище при этой церкви. . . 38
Пренія съ нимъ о вѣрѣ кудесниковъ, въ-особенности Памы, и побѣда его надъ всѣми лжеучителями 40
Новыя двѣ церкви въ Усть-вымѣ, которыя онъ построилъ 49

Библиотека ООН

Страницы.

V.

Посвященіе св. Стефана въ санъ епископа.

Нужды въ епископѣ для страны пермской 53
Путешествіе его въ Москву по дѣлу объ епископѣ и хиротонія его во епископа 55
Возвращеніе его въ Пермь чрезъ г. Устюгъ въ санѣ архіерейскомъ 60

VI.

Дальнѣйшее апостольское служеніе его въ Перми (впродолженіе 13 лѣтъ).

Устройство имъ каѳедры архіерейской въ Усть-вымѣ и путешествіе для обозрѣнія паствы. 62
Онъ-отецъ и покровитель зырянамъ въ жизни ихъ, семейной и общественной 65
Защитникъ Перми отъ цѣлыхъ непріятельскихъ отрядовъ 67
Питатель пермяковъ во время голода 70
Его участіе въ одномъ изъ церковныхъ соборовъ въ Москвѣ 72
Новые гражданскіе подвиги его для пермскаго края. 75
Распространеніе имъ въ Перми христіанства, монастырей, богоугодныхъ заведеній и церквей 77

VII.

Послѣднее время въ жизни св. Стефана.

Снова призываемый въ Москву по общецерковнымъ дѣламъ, онъ созываетъ въ Усть-вымъ избранныхъ изъ зырянъ для прощанья и оставляетъ Пермь 79
Болѣнье и кончина его въ Москвѣ 82
Плачъ Перми по немъ. 85
Вещественные памятники послѣ него. 86
Величіе его, какъ святаго человѣка, какъ дорогаго дѣятеля отечеству и какъ (по евангелію) *пастыря добраго.* 90